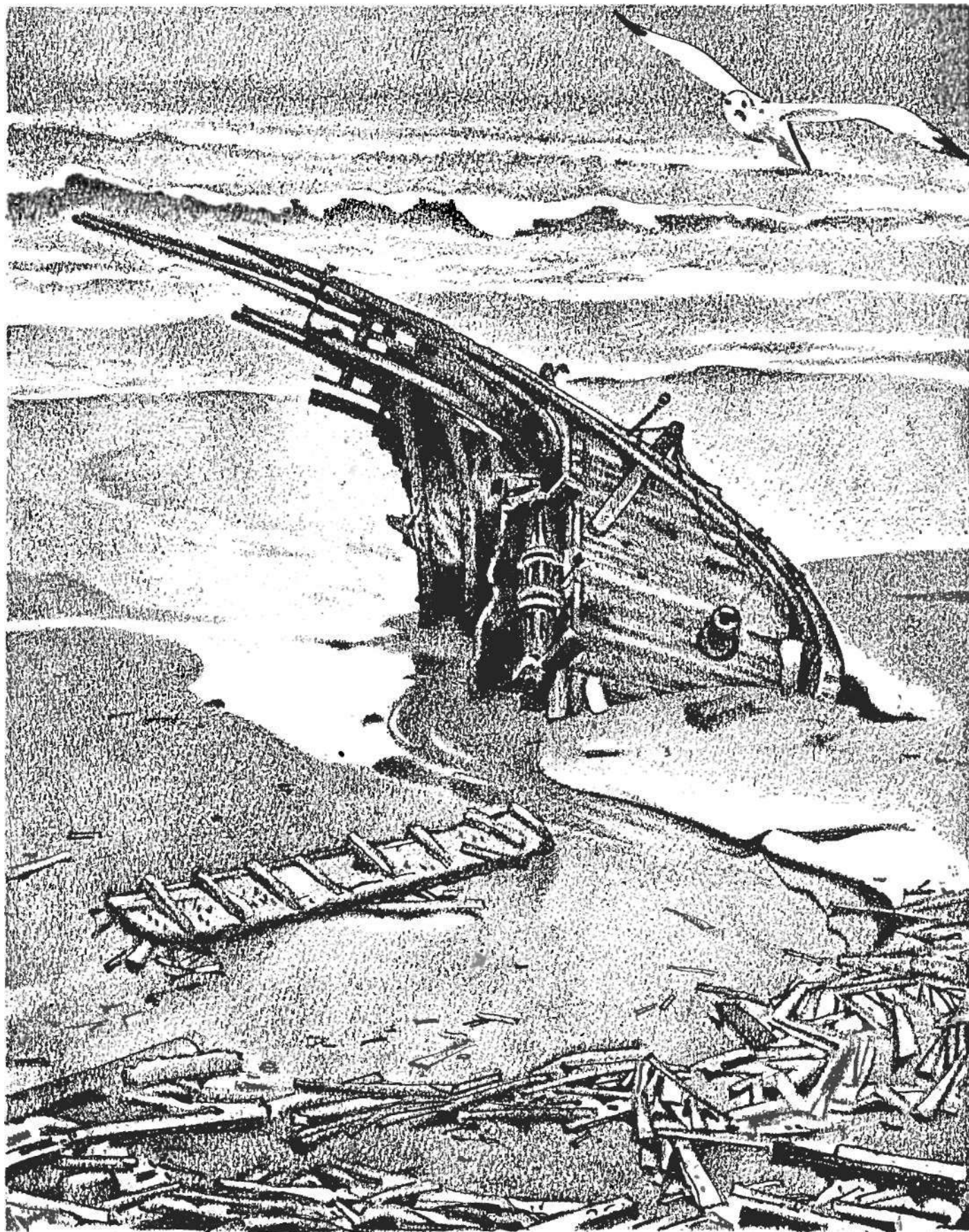

ВОКРУГ СВЕТА

1929 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

№ 12

Шкиперское пари. ...От судна Карло Петриоса остались лишь забросанные песком обломки.»

„ЗиФ“

СЕРИЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯР. КНИГ ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ НАУКА

ВЫШЛИ В СВЕТ
НОВЫЕ ИЗДАНИЯ КНИГ:
ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ БОТА-
НИКА, Проф. А. Цингера,
3-е изд. С 90 рис. 11. 1 р. 25 к.
ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЗООЛО-
ГИЯ, Проф. А. М. Николь-
ского, 3-е изд. С 60 рис.
11. 1 р. 40 к.

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭЛЕКТРО-
ТЕХНИКА, В. Рюмина,
4-е изд. С 75 рис. 11. 1 р. 45 к.

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭЛЕКТРО-
ТЕХНИКА НА ДОМУ И САМОДЕЛЬН. ЭЛЕКТРИЧ. ПРИБОРЫ, В. Рюмина,
3-е изд. С 43 рис. Ц. 1 р. 20 к.

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ АСТРОНО-
МИЯ, Я. И. Перельмана,
С 105 рис. 11. 1 р. 80 к.

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ФИЗИКА, Я. И. Перельмана, 9-е изд. Книга 1, с 132 рис. и 4 табл. 11. 1 р. 65 к. Кни. 2, с 126 рис. Ц. 1 руб. 65 коп.

Большинство книг этой серии реком. Главполитпросветом городского и раб. библ., а также детским отд., этих библ. для закупки в первую очередь. Признаны желат. в волостных библ. и избачистских.

Книги высыл. нолож. плат. При высылке денег вперед, пересылка беспл. Заказы адресовать: Ленинград, 25, Стрелинская, 4/19, Кооперат. Издательству «ВРЕМЯ».

ВЫШЕЛ

VI ТОМ СОЧИНЕНИЙ АЛЕКСАНДРА ДЮМА

ГРАФ МОНТЕ-КРИСТО

том II, 932 страницы, около 90 иллюстраций

Цена в сатин. переплете с золотым тиснен. и художеств. обложкой 4 р. 60 к.

Высланные деньги вперед за пересылку не платят.

Изд-ва «АКАДЕМИЯ», Москва, 9, Тверская, 26.

3-й маг. Изд-ва «ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА».

ВНИМАНИЕ

Клейн — Мое водолечение, испробованное в течение 40 лет. 1 р. 25 к. Фрумзен — Как не стариться. 95 к. Рудницкий — Лечение солнцем туберкулеза. Пескоцкий — Технический карманный справочник для техника-строителя. 2 р. 20 к. Пескоцкий — Столярное ремесло, с 407 рис. 3 р. 50 к. Рудь — Хозяйка-кулинарка, 1750 рис. 3 р. 50 к., в папке 4 р. Бродерсен — Самоучитель фотографии. 4 части с многими рис. и фоторепортажами. 2 р. 50 к. Миллер — Моя система — 15 минут физкультуры в день. 1 р. 10 к. Горчаков — Опытный рыбоволов-любитель. 1 р. Высыл. илл. плат. кни. магаз. «Техника и медицина». Бр. Г. и И. Цукерман, Ленинград, пр. Нолодарского, 55/В.

ЛЮБУЮ КНИГУ

русскую или новую, так и старую нис. нолож. плат. в 3-дневн. срок, магазин ВЦСПС. Москва, Кузн. Мост, 20. Каталог по физкультуре и бухгалтерии нис. по получении 15 к. почт. марок.

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Проф. Г. ВАН-ЛУН. Капитализм, труд знаменит. американского ученого, разошедш. в Америке в количестве 1 000 000 экз. Цена 2 т. — 4 р., в роскош. перепл. — 5 р. 50 к. Москва, Политехн. Музей, 110-В. Кооперативное Т-во «Культура и Знание».

МУЗЫКА ДЕШЕВЛЕ ЛУЧШЕ ВСЕХ!

в 15, 18, 20, 25, 30, 40 и 50 р.

БАЛАЛАЙКИ в 5, 6, 7, 8, 10, 12, 15, 20, 25 и 30 рублей.

ПОЛНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ. ВЕЛИКОРУС. ОРНЕСТР.

Прейскурант за две 10-коп. марки высылает

1-е МОСКОВСКОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ Т-ВО

Н. Т. Авилов, А. К. Соколов и К°, Москва, Покровка, 55/В.

ПУТЕШЕСТВИЯ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОТКРЫТИЯ ИЗОБРЕТЕНИЯ

НОВОСТИ
НАУКИ И ТЕХНИКИ
ОПИСАНИЯ УСТРОЙСТВА
МОДЕЛЕЙ
ПИСЬМА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ
МОЛОДЫХ ТЕХНИКОВ

все это вы найдете в лучшем журнале науки и техники

Знание сила

Вышел № 6. Цена 25 к.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ

Подписн. влата: 12 мес. — 2 р., 6 мес. — 1 р. 20 к., 3 мес. — 70 к.

Подписку сдавайте: Москва, Новая площадь, 6, Изд-во «Молодая Гвардия», либо по почте.

НА ГАРМОНИКЕ В КОРОТКИЙ СРОК

учат авторы М. П. и Н. С. ГЕРАСИМОВЫ заочно по самоучителям. Цены для баяна: 3 р. 85 к. и 10 р., вместе — 12 р. Алб. № 1, 2, 3 и 4 (по 2 р. 75 к. с перес.) и много отделн. пьес. Для 2-рядной по цифр. сист. — 2 р. 50 к., нотн.-цифр. — 3 р. 25 к. и алб. № 1, 2, 3, 4 и 5 по 2 р. 75 к.; для хромки север. по цифр. — 2 р. 75 к. Проспект высыл. за 10-коп. марку. Адрес: МОСКВА, 10, Глухарев пер., д. 3, кв. 11/В, ГЕРАСИМОВЫ.

ВЕРЕТ И СВОИ ВОЛОСЫ УДАЛЯЯ УГРИ ЛИЦА

Испыт. преп. Инстит. Космет. Москва, ул. Воровского, № 1/А (уг. Арб. пл.) М. Б. Коцен. Адрес: Москва, 10, почт. ящ. № 11/В. Сп. мыла:

- 1) порош. «Кути-Фрик» (преп. РЯБ) и следы после угрей. Цена 3 руб. коробка.
- 2) Медн. мыло «Секс» (преп. РЯБ) жирн. и красноты. д-ра Катцен) прот. угрей. Цена 85 к. кус. (выс. л. 10 см. 3 кус.) и зуда.
- 3) «Хис-Сашин» против выпадения волос. Цена 2 руб. флакон.
- 4) «Электрель» стягивает и удаляет угри, черные точки и расширенные открытые поры сальн. кожи. Ц. 2 р. флакон.
- 5) «АКТИВАТОР» для ускорения удаления веснушек, солнечных пятен и т. д. Ц. флакон. 1 р. 50 к.
- 6) «ПОТОЗАЙ» Туго, рук, подмышечных впадин. Против ПОТА Цена 2 руб. флакон.

Заказы высылаются по получению 5 десятикопееч. марок.

К ЭКЗАМЕНАМ В ВУЗЫ

1. КУРС ТРИГОНОМЕТРИИ для школ взрослых повыш. типа. Проф. Глазенап, С. П. С 87 рис. много. пример., упр. и задач. Допущ. ГУС'ом. 178 стр. 1 р. 10 к.

2. ТАБЛИЦЫ ЛОГАРИФМОВ, с 5 десятич. знаками; с прилож. др. таблиц, упрощающ. вычисл., проф. Глазенап, С. П. 125 стр. Цена 1 руб. 25 коп.

3. КУРС ЭЛЕМЕНТАРНОЙ АЛГЕБРЫ Н. Извольского. Допущено ГУС'ом. Ч. 1. 186 стр. Ц. 1 р. 25 к. Ч. 2. 230 стр. Цена 1 руб. 60 коп. Книги высыл. нолож. платеж. Акционерное Общество КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ. ЛЕНИНГРАД, вилури Гостиного Двора, № 125/ВС.

ПРИЛОЖЕНИЕ к ж. 30 ДНЕЙ

ЖУРНАЛ МОД «ЧЕТЫРЕ СЕЗОНА»

ВЫПУСК III — ОСЕНЬ
Готовится к печати и поступит в продажу в августе месяце. Цена отдельного номера 50 к. Отд. Период. Изд. «ЗНФ».

ПОЛЕЗНЫЕ КНИГИ

ВОСПИТАНИЕ ВОЛИ Развитие, темперамент, характер, самовнушение. Сост. проф. Экземплярский, 175 стр. 29 г. Ц. 2 р. 40 к.

ГУБАРЕВ. Прелюбительные СРЕДСТВА ОТ БЕРЕМЕННОСТИ

29 г. 267 стр. с рис. 11. 1 р. 70 к.

ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ в несчастных случаях и при внезапных заболеваниях. 174 стр. 112 рис. 29 г. Сост. Канель. Ц. 1 р. 25 к.

ПОЛНЫЙ СПРАВОЧНИК ПО ФИЗИКУЛЬТУРЕ

Джигу-джигу, бокс, борьба, футбол, гребля, плавание и другие виды спорта. Составл. Короновский. 11. 2 р. 50 к.

Веселый САТИРА И ЮМОР сборник

332 стр. 29 г. Сост. Серезников. 2р.

ФИЗИКА В ОПЫТАХ И ЗАБАВАХ

186 рис. Миреса. 29 г. 1 р. 50 к.

ШКОЛА КРОЙКИ И ШИТЬЯ

мужского, дамского и детского верхнего и нижн. ПЛАТЬЯ И БЕЛЬЯ. С рис. 29 г. Сост. Гриневич. Ц. 2 р. 75 к.

ВАЖНО РАБОТАМ ШКОЛА ПИСАТЬ В ГАЗЕТЫ

142 стр. с рис. Сост. Кузнецов. 1р.

100 лучших образцов ШРИФТА для чертеж., планов, диаграмм, живописи, реклам, плакатов. Сост. Егоров. 27 г. Ц. 1 р. 80 к.

САМОУ- НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

по методу Мертнера. 10 вып. 29 г. Сост. Шмелев. Ц. 2 р. 50 к.

ФОТО ГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК И РЕЦЕПТУРА. 447 стр. 28 г. Сост. Евдокимов. 11. 2 р. 50 к.

Рождест- венский РЫБолов-удильщик

С рис. 28 г. Ц. 1 р.

Григорьев. — Лечебник домашних животных. 1 р. Огородничество. Как вырастить лучш. овощи и картоф. 75 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ШКОЛА ПИЧЕЛОВОДСТВА

САМОУЧИТЕЛЬ

380 стр., Буткевич. 11. 4 р.

Т. Гужавин САДОВОДСТВО

плодовый и ягодный сад, уход и насаждение. 404 стр. 160 рис. 29 г. Ц. 2 р. 90 к.

А также ЛЮБУЮ КНИГУ высылает нолож. платежом ИНИН. «НАУКА И ЖИЗНЬ»

С. Н. НИКОЛАЕВА

Москва, 9, Воздвиженка, 4/С

За книги и на ответ можно высылать мелк. почт. марки.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНУ

2-32-36

== К ВАМ ==

явится уполномоченный для приема объявлений в ЖУРНАЛ

„ВОКРУГ СВЕТА“

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ НА ЖУРНАЛЫ ГОС. АКЦ. ИЗД. О-ВА

«ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА»

В виду наблюдающихся случаев обращения подписчиков с жалобами на неполучение тех или иных изданий спустя продолжительное время, что часто делает невозможным наведение справок и выяснение по ним причин задержек, настоящим доводится до сведения подписчиков, что жалобы на неполучение изданий должны сообщаться Издательству не позднее 2 месяцев с момента рассылки изданий, в противном случае удовлетворение будет производиться за счет подписчика.

Музыкальная мастерская И. Е. КОВАЛЕНКО Б. Дмитровка 14/В. Прием заказов на мандолины от 20 р. до 35 р. Настоящие итальянские обгравные, отрегулированные заново — от 30 р. Гитары от 20 р. до 150 р. Заграничные обгравные, отрегулированные заново — от 150 р. до 150 р. Балайки от 15 р. до 35 р. При заказе требуется тит. Худож. исполн. почин.

НОВИНА изд. 1929 г.

Самоучитель игры на СКРИПКЕ

под ред. проф. Р. Валешена. Общедоступн. практич. руководство с приложен. упражнен. и начальн. пьес. Ц. с перес 3 р. 25 к. МОСКВА, ул. Герцена, 31/12, Кооп. Т-во «СОВРЕМЕННОСТЬ»

К КОНКУРСНЫМ ЭКЗАМЕНАМ

Н. И. ДИМИТРИЕВ

ЕШЕБНИК

ДАЧ ПО ФИЗИКЕ,

таблицы прикладных и экспериментальных результатов (К. Д. Красевич, А. Качинского и др.) содержат примеры из сельско-хоз. практики заводск. производ. задачи с подр. решен. Допущ. ГУС'ом

Цена 1 р. 30 к.

Выслет илл. нолож. платеж.

Изд-во «ОБРАЗОВАНИЕ», Ленинград, ул. Пестеля, 12/П

ВЕРНЫЙ ЗАРАБОТОК ВСЕМ ИЗУЧИВШИМ

СТОЛЯРНОЕ И МЕБЕЛЬНОЕ РЕМЕСЛО

по самоучителю инженера Н. Песочного. Устройство окон, дверей, полов, лестниц, скамеек, стульев, кресел, диванов, столов, шкафов, буфетов, этажерок, комодов, сундуков, кроватей, вешалок, умывальников, мебели нового стиля и мн. др. В книге 406 пояснительных рисунков. Цена в переплете с пересылкой 3 р. 90 к. Книжный склад «КНИГОСБЫТ» М. Ивасенко и К°, Москва, ул. Герцена, 15/21.

ВОКРУГ СВЕТА

1929 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

№ 12

6р. в год за ежес. журнал «Всем. Следопыт» о прил. 24 №№ «Вокруг Света», 12 №№ «Всем. Турист» и 12 многокр. табл. «Народы мира» на обл. журн. За границу подписная плата выше на 50%. За перену адреса—20 вол.

Редакция «Всем. След.» и «Вокруг Света»:

Подписка на журнал «Всемирный Следопыт» (только с приложениями по I, по II или по III абон.) принимается: в конторе журнала (Москва, ул. Герцена, 12/а) и во всех почтовых отделениях, а также письменно.

СОДЕРЖАНИЕ. Жизнь в скитаниях изобретателя-самоучки: Два месяца в тайге. Серия рассказов Н. Железникова. Шкиперское пари (к рисунку на обложке). Рассказ М. Петрова-Грумант. V Продавец воздуха. Научно-фантастический роман А. Беляева (продолжение). в Хан-кормилец Рассказ П. Аренского. в Остров трижды рожденный. Очерк Г.М. в Второй филателистический конкурс—результат конкурса.

Москва, Пушкинская, Лубянский, пасс. пом. 65.

Объявления в «Вокруг Света» принимаются в конторе журнала (Москва, ул. Герцена, 12/а, тел. 2-32-36): за строку нонп.—3 р. за страницу—1750 р. (сверх тарифа—госналог 10%). При многокр. печат.—скидка по соглаш.

10р. в год журн. «Всем. След.» с приложен. сверх указан. (слева) 21 книг полного собрания сочин. Дж. ЛОНДОНА (вторая половина; первая половина, вышедшая в 1929 г., высылается за 4 р.50 к.).

= ЖИЗНЬ И СКИТАНИЯ ИЗОБРЕТАТЕЛЯ-САМОУЧКИ =

Серия рассказов Н.

Железникова

Рисунки художника П. Староисова

Два месяца в тайге

Белые вершины Саянских гор на восходе солнца видны с пути на участке Иннокентьевская — Зима, — манят к себе, зовут итти в даль — через дикую тайгу. Часто на них заглядывался Илья Федорович. Кажется, что недалеко, так бы и пошел напрямик через гушу, вскинув за плечи ружье. Но не так легко было пойти. Трудно одолеть четырехста километров дремучим лесом. Трудно было и оторваться надолго с насиженного места, где пушены глубокие корни. И Илья Федорович иногда думал, что он — как дерево. Ветром качает, кажется, вот-вот сорвется, скатится далеко под откос, — да корни крепко въелись в землю, цепко сплелись, держат.

Теперь они у него подрублены. Работа ушла. Семья не держит. Мать он отправил к брату Григорию в Иман, домик свой продал. Отец ушел странствовать куда-то на восток, за границу. Иннокентьево опостылело.

Давно вырвалась Ангара из-под зимней крышки, разбросав белые скорлупки по берегам. Лиственные деревья оделись пахучим клейким кружевом прозрачных листьев; хвойные выбрасывали на концах веток пушистые пучки более светлых игл. Земля, пропитанная весенними соками, дышала крепкими запахами. Из нее не удержишь, как из переполненной губки вода, брызгала миллионами острых стрелок новая зеленая жизнь.

Илью потянуло к Саянам. И он надумал снарядить туда целую экспедицию. Знакомых у него имелось бесконечное множество. Он набрал девять человек. Был там слесарь из Иннокентьевского депо Михаил Рудый, кочевар из Черемховских копей Вася, молодой слесарь Семенов, несколько школьников-иркутян — два гимназиста, два реалиста и ученик промышленное училища Алеша Чи-

карев. Брат Николай тоже присоединился к компании.

Илья предложил итти к истокам реки Иркут и реки Китой копать золото. Ходил слух, что старатели там находят желтый металл. Маршрут приняли единогласно: напрямик через тайгу на Саяны. Выступление назначили на 20 мая. Начальником экспедиции наметили Илью: он был лучший охотник во всей компании, знал тайгу и обладал многими качествами, заставлявшими товарищей относиться к нему с особым уважением. Кроме того он был самым старшим.

Припасли пятьдесят кило дрови, тридцать кило пороха, три казенных винтовки, два ящика патронов. Взяли одну палатку. Купили для каждого по-солдатскому брезентовому плащу и по две пары таежной непромокаемой обуви — бродней. Пищевые продукты подбирали менее тщательно, так как надеялись на хорошую охоту. Взяли консервы, немного муки, сухарей, монпансье и пр. В общем грузу приходилось по тридцать кило на крепких и по пятнадцати кило на более слабых.

Темной ночью со станции Иннокентьевской вышла группа из десяти основательно нагруженных молодых людей и двинулась на юго-запад, по направлению к реке Китой.

Илья уверенно шагнул впереди. Часа через два некоторые стали отставать, просили сделать привал, поправить ношу — плечи резало.

Рассветало. Кровавыми пятнами продиралось солнце сквозь заграждения хвои. Окрашивало широкими пурпурными мазками стволы сосен.

Минут на двадцать сделали привал на берегу ручейка. Илья просмотрел ламки вещевых мешков, указал товарищам, как подвизывать груз, чтобы он меньше тянул.

За первый день по проторенным тропинкам прошли более двадцати километров. Расположились лагерем на небольшой полянке, сдавленной между толстыми стволами мачтового леса и гигантскими листвен-

Вершины Саянских гор манят к себе, зовут итти в даль — через дикую тайгу...

ницами. Разложили несколько костров. Двое пошли за ведой к ключу, бульканье которого слышалось в стороне, где лес спускался в овраг.

Надвинулись ранние лесные сумерки. Когда разгорелись костры, кругом стало совсем темно. Беспкойными змеями ползало пламя, извиваясь между сухими ветками, с победным треском взлетало вверх и, жадно обгладывая сосновую хвою, подсвистывало и выплевывало в темное небо золотые брызги искр.

У костров ребята весело хлопотали, натягивали на сучья полотнища палатки. Предстоящая первая ночовка далеко от жилья, на воле, в тайге казалась большим событием. Было весело и радостно тревожно. Пьянила свобода и густой запах смолы. Хоть мускулы гудели, зато легко плечам, сбросившим ношу на землю. Трещал костер, щедро вбивая в бархатную темь неба пригоршни золотых гвоздей, трещал хворост под ногами, трещали сучья в руках. Высокие тени плясали, уходя головой в самую крышу леса. Пламя как искус-

опыта. Разумеется, ввали немилосердно. Но, надо им отдать справедливость, не обижались на смех товарищей.

Илья прервал беседу, грозившую затянуться надолго, напоминанием о завтрашнем походе. Под охраной костров и подкармливавшего их хворостом дежурного улеглись на свежих ветках.

Дежурные добросовестно выполняли свои обязанности. Охотничьи рассказы, необычность обстановки оказали на них свое действие.

Первый дежурный, чутко стороживший, вдруг подскочил. Громкий рев вдребезги разбил тишину. Дежурный теребил Мухартова:

— Илья! Вставай! Медведь ревет...

Илья сел: —

— Какой медведь?.. Очумел ты, что ли! Разве медведь будет ночью реветь? Это дикий козел...

Второй дежурный переполошил весь лагерь. Он тоже услышал медведя: затрещал валежник. Недолго думая, дежурный начал обстреливать темноту беглым огнем, благо предваритель-

Недолго думая, дежурный стал обстреливать темноту беглым огнем...

ный пример ярко разрисовывало в самые неожиданные цвета молодые лица, обращенные к кострам.

Сперва говорили почему-то приглушенными голосами, некоторые чуть не шопотом.

— Что вы все вполголоса — хоронить кого собрались? — громко спросил Илья, и точно в ответ ему совсем близко еще громче аукнули ушедшие за водой. Вслед за этим точно прорвалась плотина тишины. Громкий говор и смех разбудили жуткое очарование суровой чащи.

Ужин из консервов, опущенных в котел с кипящей водой, был хорош, вода, как восторженно сообщили водоносцы, <<замечательная». Долго пили чай из самодельных берестяных чашек и из консервных коробок.

Начались охотничьи разговоры. Рассказывали больше всех те, которые меньше всех охотились, — они стремились нетерпеливым вымыслом возместить досадное для них отсутствие настоящего охотничьего

на второй день, когда приближалось время к привалу, Илья, шедший впереди, остановился, сделал знак соблюдать тишину. Показал рукой влево. Там среди поредевших деревьев, сбежавших под уклон, блеснула вода.

Илья тихо освободился от поклажи, приготовил ружье. Остальные последовали его примеру. Со стороны реки послышалось гоготанье гусей. Медленно, цепью двинулись вниз. Илья велел не стрелять, пока не подойдут достаточно близко.

Благополучно спустились к кустам, окаймлявшим берег. Был перелет. На воду села целая стая. Не успел Илья нацелиться — кто-то грохнул. Вслед за первым выстрелом поднялась беспорядочная стрельба Ильи и двумя другим охотникам пришлось бить уже на лету в поднявшуюся стаю. Двух гусей подстрелили, подобрали на берегу. На воде — ни перышка.

Тут же на берегу остановились для обеда. Вареная гусятина, немного пропахшая дымом, была единогласно признана высшим достижением кулинарного искусства.

* *

В течение первых пяти суток экспедиция одолевала ежедневно по 12—15 километров. Хотя пробираться становилось все труднее, но зато втянулись. Одно было скверно — продукты быстро таяли, а охота не налаживалась. Не до охоты, когда за плечами увесистые мешки. А на привале хочется полежать. Дневку не делали, стремились побольше пройти. Лишь один раз после гусей удалось случайно подстрелить громадного глухаря.

На шестой день подошли к оврагу, за которым сплошной черной стеной стоял горелый лес. Странное было зрелище. За спиной — живая зелень, непрерывный шум, который теперь особенно стал заметен; впереди — черное безмолвие смерти. Деревья — трупы, растопылив словно в предсмертных судорогах обгорелые лапы, застыли в самых различных положениях: стоя, лежа, застрыв на полпути при падении.

Устроили совещание: итти в обход, или напролом через мертвый лес? В конце концов решено было итти напрямик, и Илья, чтобы не нарушать единодушия, отказался от своего особого мнения. Обход завел бы неизвестно как далеко в сторону. По горелому же лесу, думали, пожалуй даже легче будет итти — мелкого бурелома наверное нет. Некоторые доказывали, что и охота там почему-то будет лучше. И наконец, не без конца же оно тянется, это пожарище.

Однако горелый лес обманул все надежды. Обгоревшие повалившиеся деревья то-и-дело преграждали дорогу. Все было обманчиво, трудно было рассчитать необходимое для каждого движения усилие. Ветки на вид совсем обгорелые и хрупкие оказывались иногда прочными как железо, и при ударе о них топор со звоном вылетал из рук; толстые сучья и целые стволы, которые как будто требовали нескольких ударов топора, при первом же ударе рассыпались, превращаясь в черное облако угольной пыли, а усердный рубильщик по инерции летел лицом вниз.

Направление по деревьям нельзя было определять, мха на них никакого не осталось, приходилось ориентироваться по солнцу и звездам. Экспедиция, правда, имела в своем

распоряжении три компаса, но эти дешевенькие непроверенные инструменты склонны были к постоянной вражде друг с другом. Они ни разу не могли окончательно столковаться между собой. Если один указывал, что юг — позади, другой упрямо твердил, что он как раз впереди, а третий в зависимости от настроения посылал влево или вправо. Поэтому компасы вели лишь к ссорам и между членами экспедиции, пытавшимся по-своему защищать точку зрения того или другого компаса.

— Бросьте эти детские игрушки, — говорил Илья. — Солнце-то уж не обманет...

В первый же час блуждания по горелому лесу все члены экспедиции успели перемазаться «как черти». Угольная пыль забивалась всюду — за шиворот, в нос, в уши, в глаза.

— Если нас вывернуть наизнанку, — говорил Рудый, — то можно будет увидеть, что мы прокрасились насквозь.

— Это хорошо для охоты, — откликнулся Вася, — приняли защитный цвет.

Может быть это и действительно было бы хорошо для охоты, если бы нашлось за кем охотиться. Но день шли в сажу, ночь спали на углях (покрытых почерневшим брезентом), а впереди — то же черное безмолвие. Но самое скверное было то, что нечего становилось есть. Уныло сосали сухари и грызли монпансье, — этих продуктов оказалось больше всего, но и они катастрофически таяли.

— Не еда, а скучный треск, — заявил Алеша Чикарев.

Не одному ему ночью снились котлеты и домашняя постель.

Но на третий день блужданий в мертвом лесу неожиданная удача подняла настроение у всех. Увидели на обгорелом суку большого глухаря. И не только увидели — убили. Вася уверял, что убить его удалось лишь потому, что глухарь «совсем обалдел от всесветной черноты». Тут же сделали припал, пообедали, половину оставили на завтра. Дальше пошли бодрее, обсуждая на все лады, откуда мог залететь глухарь. Вскоре кто-то сзади крикнул:

— Земля!..

— А ты что, по морю что ли плывешь? — отоозвался Рудый.

— Хорошо, если б по морю, а то в угольном мешке топчешься.

— Зеленая, настоящая земля!..

Увидевший «зеленую землю» бросился бежать в сторону, за ним остальные. Впереди, в котловине действительно виднелся островок зелени.

— Тише! — сказал Илья. — Там может быть живность есть, оцепим кругом.

Освободившись от вещей, начали обходить «островок». Из полуобгорелой болотной травы выскочил заяц, заметался. Но ему не удалось уйти, со всех сторон его взяли под обстрел. Больше ничего на «островке» не добыли. Трое спорили, кому принадлежала честь меткого выстрела, но наконец помирились на том, что все таки стрелка были повинны в смерти зайца. Ранок нашли много. Семенов, первый из претендентов, опустил зайца в мешок, висевший у него сбоку как охотничья сумка, и тронулись дальше.

Все предвкушали ужин из дичи. Даже привал сделали раньше. Семенов с довольной улыбкой засунул руку в глубокий мешок, и... рука осталась там, а улыбка с лица сбегала.

— Семенов, что с тобой?

Семенов вывернул мешок. Зайца — как не бывало.

— Вот голова! — сказал Вася. — Как же ты выронил?

— Не мог я выронить, — растерянно пробормотал Семенов. — Он сбежал...

— Кто? Мертвый-то заяц!..

— Ну, а куда же он мог тогда деться, если не сбежал?

Все недоумевали.

— А вот сюда! — воскликнул Семенов, отыскав небольшую прореху в углу мешка.

Деревья-трупы, растопырив, как будто в отчаянии, обгорелые лапы, застыли в самых различных положениях...

— Пожалуй и правда, что убежал, — сказал Илья, безуспешно пытаясь просунуть кулак в дырку. — Мертвый он бы и здесь не выпал, — вишь и кулак не лезет, — а живой пожалуй мог протискаться. Значит не совсем был убитый...

После пяти суток блужданий в «угольном мешке» оборванные, черные, голодные, паши золотоискатели вышли на опушку перед зеленой долиной реки Китой. Тут без уговора все разделись донага и бросились в речку «размаскировываться».

Освеженные холодной водой, обрадованные концом мытарства, они почувствовали себя так, словно еновь родились. После купанья быстро наловили рыбы и сварили полный котел ухи.

На следующее утро произошел раскол. Группа в семь человек, посоветовавшись, объявила, что прогулку пора закончить: все оказалось трудней, чем предполагали, выбились из сил, обувь изорвалась, запасных пар хватит только на обратный путь, разговоры о золоте — детские сказки. Трое — Илья с братом и Вася вернуться не захотели.

— Да нам и нельзя вернуться, — сказал Илья. — Вам-то ничего не будет, а нас как зачинщиков посадят.

Разделили припасы. Совместно наловили рыбы для отступников. Потом разделились. Семь человек пошли крутым берегом реки Китой вниз по течению, трое — вверх.

Двигались быстрее: и дорога легче, да и ходоки остались хорошие. Перед вечером в первый раз за две недели блуждания в тайге увидели жильё и людей. Пришли в «братский» улус. Неуклюже срубленные избы вразброд расположились почти на самом берегу. В улусе поужинали. С наслаждением ели лепешки, пили молоко. Перед уходом выменяли немного пороха и дрови на муку и СОУ.

На следующий день ушли еще километров на восемнадцать вверх по реке. Место для ночного лагеря попало великолепное. Далеко внизу, под обрывистыми изломами песчаника — широкая, с многочисленными сплошь белыми от цветущей черемухи островами сверкала река. Позади оцетинившиеся лесом холмы

1) «Братскими» народностями называли руссифицированных местных коренных жителей.

громоздились гигантскими террасами.

Место всем так понраилось, что не хотелось уходить. Решили осесть надолго. Неподалеку ручеек прорезал себе ложе в твердом песчанике. Дно желтое — ровный песок.

— Тут и золото должно быть, — авторитетно заявил Вася.

Чем он руководствовался, осталось невыясненным, но спорить не пытались, хотелось найти лишний повод остаться. В двух шагах от обрыва устроили хороший шалаш. Прорубили в песчанике удобный сход к воде. Из плит песчаника выложили в шалаше очаг.

Ежедневные купанья, свежий воздух, лазанье по холмам, охота, работа вызывали волчий аппетит. Но голодать не приходилось. Почти каждый день уходили на охоту и ни разу без добычи не возвращались. Попадалось много гусей и других птиц, иногда подстреливали дикую козу, ловили рыбу. Собирали также грибы и ягоды. Земляники местами, на пригорках, было так много, что трава походила на зеленый ситчик с красными крапинками.

В первые же дни взялись за пробные промывки песка из

Илья крикнул, что видна широкая река...

ручья. Устроили из коры «будары» — корытца с деревянными мешалками. Потом запрудили ручеек. Под струю из плотины ставили корыта, сыпали песок. Золота никакого не осаживалось. Однако неудача не огорчала, так как золото было лишь предлогом, чтобы отправиться в тайгу. Скоро они совсем бросили золотоискательство.

Незаметно промелькнул месяц привольной дикой жизни. Илья стал подумывать о возвращении. Тянуло опять заняться изобретениями. Мысленно разрабатывал давнишний план автоматической сцепки-расцепки вагонов. В один прекрасный день он решительно высказал желание вернуться. Посоветовавшись, пришли

к заключению, что надо раньше послать Николая на разведку, узнать, безопасно ли будет вернуться. Через неделю он возвратился и сообщил, что по уходе всей группы родители заявили в полицию об исчезновении сыновей. Особенно неистовствовал подрядчик Чикмарев. Поднялся переполох. Опасались, что молодежь ушла для экспроприации, так как узнали, что забрали много оружия. Послали погоню в разных направлениях. Поиски продолжались несколько дней. Но когда вернулись семь участников экспедиции, родители которых главным образом и подняли шум, все успокоилось. На другой день двинулись в обратный путь по берегу реки Кито.

Илья вернулся в Иннокентьевское. Полиция не тронула. Вскоре Илья представил проект со схематически набросанным чертежиком автоматической сцепки вагонов в управление Забайкальской железной дороги инженеру Каментовскому и заведующему службой тяги Крижановскому. Они проект одобрили, отметили лишь, что это очень трудно выполнить.

Послали описание проекта в Петербург. Оттуда затребовали чертежи. Илье посоветовали обратиться к архитектору Южакову, интересующемуся новинками. Архитектор дал техника, который четыре месяца чертил по указаниям Ильи, да так и не закончил чертежей — запил. Дальнейшие блуждания своего проекта Илья проследить сполна не мог. Он склонен был думать, что проект заблудился в бумажной тайге канцелярий, в которой Илья не умел ориентироваться так хорошо, как в настоящей, живой тайге.

ШКИПЕРСКОЕ ПАРИ

Рассказ М. Петрова-Грумант

К рисунку на обложке

Сеньор Карло Петриос стоял на мостках шлюпочной гавани. Он собирался приложить серебряный свисток к губам и бросить в синеватые потемки условный посвист. Всмотриваясь в даль, где с темнотой слилась заштилевшая вода Фунчалского¹⁾ рейда, он легко отыскал огни своей «Луизы», стоявшей там на якоре. Двух протяжных и одного короткого свистка было бы достаточно, чтобы гичка с весельным Сампо отвалила от борта «Луизы» и примчалась на зов шкипера к берегу. Но Петриос медлил. То ли бутылка мадеры, только что выпитая

им в «Монте-Плезир», то ли вечерний воздух, полный аромата цветов звуков музыки, долетающих из городских скверов, настроили его на веселье, но сухой, всегда аккуратный шкипер потерял деловую линию.

Взглянув еще раз на огни своего судна, он круто повернулся и, не взирая на давящий плечи груз пятидесяти лет, резво направился в гору. Скоро Петриос был на той улице, где между красиво развешанными проздыями зеленых и красных фонарей, под бодрящие звуки духового оркестра кружился цветистый шумный карнавал. Перед глазами шкипера мелькали фигуры пьеро,

чертей, арлекинов, карликов, рыцарей и кабалеро.

— Сеньор Карло Петриос! Добрый вечер! — приветственный окрик заставил шкипера оторвать глаза от узорчатой путаницы карнавала.

— А!.. Сеньор Бласко! — ответил он и* протянул руку приближающемуся приятелю.

Толстый мешковатый человек в форменном кителе моряка крепко пожал пальцы Карло.

Приятели, взяв друг друга под руку, смешались с шумливой движущейся толпой.

— Не зайти ли нам? — указав на сад-ресторан, предложил толстяк.

¹⁾ Фунчал — порт на острове Мадейра.

— Я непрочь, но долго пробыть там не намерен, так как сегодня снимаюсь с якоря.

— Сегодня?

— Да, с полуночным бризом.

— Ну вот и прекрасно! Ведь я тоже жду, когда с гор потянет. Моя «Голотурия» еще вчера была готова к выходу в море, — сообщил Бласко.

— Вот как! — обрадовался Карло. — Значит мы вместе покидаем Фунчал. В таком случае необходимо выпить за дружный подъем якоря «Голотурии» и «Луизы».

— Ну вот, старика, я так и знал, что в тебе еще бродит вино молодости! — с жаром подхватил Бласко.

Они выбрались из гуши ряженных и приблизились к площадке, уставленной столиками.

— Бутылку мадеры! — небрежно бросил толстяк подошедшей к ним кельнерше.

— Ты куда плывешь в этот рейс? — спросил Карло.

— Далеко. К архипелагу Зеленого Мыса. На борту моей «Голотурии» — две тысячи тюков манильской пряжи. Везу на остров Святого Николая, в адрес португальского факторинга сеньора Педро Кортес да-Сильва.

— Что? Да ведь и я туда же! Оказывается нам по пути. Это, сеньор Бласко, уже совсем интересно. И представь себе, какое совпадение: те полторы сотни мест разного груза, что сейчас находятся в трюме «Луизы», также принадлежат сеньору да-Сильва!

Кельнерша подала мадеру. Гости, наполнив бокалы ароматным вином, сказали друг другу здравицы и, чокнувшись, осушили бокалы. Оба шкипера, встретясь после долгой разлуки, не могли не поделиться последними событиями из своей жизни. Карло под влиянием выпитого вина говорил возбужденно, и лицо типичного квартерона горело юношеским задором.

— Я тебя уверяю, что «Луиза» прошла от острова Святого Николая до Мадеры в девяносто четыре часа! — закрепляя ударом кулака свои слова, утверждал он.

— Никогда! — с напускным хладнокровием возразил Бласко.

— Пари!

— Идет.

— Сто эскудо¹⁾!

— Идет.

— Жюри! — воскликнул Карло и, протягивая руку Бласко, оглянулся вокруг.

— О чем спорят сеньоры? — освятился подкатившийся к шкиперам шарообразный хозяин ресторана.

— Сеньор Буччи Альварес! — разом воскликнули приятели. — Вы будете нашим судьей.

— Условия? — по-деловому спросил Альварес.

— Сеньор Карло Петриос пройдет от Мадеры до гавани на острове Святого Николая в девяносто четыре часа! — с жаром сообщил Бласко.

— Ну, что же, счастливого рейса, — пожал плечами Альварес.

— Нет, вы не поняли... здесь пари. Я утверждаю, что Карло на своей крысе и в пятьсот часов не дойдет туда! — запальчиво добавил Бласко.

Карло побледнел, вскочил на ноги стукнул по столику так сильно, что бокалы и бутылки подпрыгнули, и глухо сказал:

— Пятьсот эскудо...

— Идет, — отозвался Бласко и, подхватив протянутую руку приятеля, крепко сжал ее.

Вокруг шкиперов сомкнулась кольцом толпа любопытных.

— Итак, сеньоры, я ваш судья, — торжественно сказал хозяин ресторана и приготовился разнять руки спорщиков. — Но я вас предупреждаю, — многозначительно посмотрел он на шкиперов, — ваши корабли — парусные, они находятся в зависимости от стихий. Успешность плавания, — сеньоры шкиперы это знают лучше меня, — связана с попутными ветрами, поэтому я считаю, что пари...

— Пятьсот эскудо, девяносто четыре часа и никаких чертей! — оборвал судью Карло и нетерпеливо потряс рукой, крепко стиснутой Бласко.

— Воля ваша, сеньоры, — со вздохом согласился Альварес и разделил руки шкиперов.

* * *

Шкиперы спускались в гавани разными дорогами. В полуночную тьму срывались с пристани их призывные свистки и падали в черную яму рейда, где, рассыпавшись по якорной стоянке, мерцали ночные огни судов. Самолюбие Карло было задето запальчивым Бласко, и в его затуманенных хмелем мыслях толстяк рисовался враждебным.

Карло нетерпеливо подносил к губам свисток, дул в него, и ему казалось, что неизмеримо долго не подают шлюпку. Карло был так охвачен нетерпением, что даже когда бойкий голос веселого Сампо за-

звенел у мостов, он все еще извлекал из серебряного свистка пронзительные звуки.

— Сеньор капитан! Я жду вас! — кричал Сампо.

Наконец Карло услышал зов и спустился в шлюпку. Бойкий мальчуган Сампо привел в движение кормовое весло, и легкая шлюпка, оставаясь на черном стекле воды голубоватый фосфоресцирующий след, понеслась к сторожевым огням. Поднявшись на палубу, Карло нашел всю команду в сборе.

— Уже час, как дует бриз, а вы, сеньор шкипер, теряете время в прогулке, — ворчал штурман.

— Поднимай якорь! — ответил командой Карло штурману и, не сказав больше ни слова, прошел в свою каюту.

Заскрипел ручной брашпиль. На палубе зашлепали босые ноги бегущих людей. На высоких мачтах застонали под гондениями²⁾ блоки, и скоро трехмачтовая шхуна «Луиза» под всеми парусами, гонимая свежим бризом, двинулась в укитанную ночью даль.

Запершись в каюте, Карло погружился в размышления. Пари

"Итак, сеньоры, я ваш судья..."

всколыхнуло его мысли. Теперь оно казалось ему нелепым и диким, но не таков был старый шкипер, чтобы отступать от принятого раз решения. Придвинув на край стола масляную лампу, он вытряхнул из непромокаемой сумки ворох записок,

²⁾ Гордень — крепкая веревка, служащая для подъема паруса.

¹⁾ Эскудо — португальская монета, равная 2 руб. 10 коп.

тетрадей и таблиц и принялся в них рыться. С карандашом в руке, он то строил столбики цифр на бумаге, то, прокладывая транспорт, делал отметки на карте, то возбужденно шагал по четырехметровой палубе каюты.

— Если итти кратчайшим путем, держась прямо на архипелаг Зеленого Мыса, то неизбежно попадешь в полосу штиля. Если же держаться африканского берега и лечь под крыло муссона, то не избежишь белых шквалов, что падают с севера, — решал он трудную задачу. — Нет, лучше шквал! Лучше потерять мачты чем ползти мокрой крысой через полосу штилей! — воскликнул он.

СЛОВО «крыса» задело обиду, он его слышал от толстяка Бласко, и теперь одно это слово окончательно определило решение Карло. Выбежав на палубу, он взошел на мостик и твердо, тоном, не допускающим возражения, сказал штурману:

— Держать к берегу Африки до десятого градуса западной долготы!

Штурман видимо хотел возразить, замялся, но Карло быстро повернулся к нему спиной и так же быстро покинул мостик.

«Луиза» мерно раскачиваясь на зыбях, легко и ровно шла левым галсом. На океане лежал непроглядный мрак; кругом была почти ощутимая пустота, только вверх, на черном пятне неба горели глаза звездной стаи, жадно впиваясь в темень пучины. С правого борта «Луизы» был виден красный бортовой огонь идущего в траверзе судна,

— Это Бласко, он держится рядом, для того чтобы показать мне свое торжество... Нет, врешь, жирная акула, я тебя проведу! — глядя на огонь, вслух размышлял Карло.

— Карибас! — окликнул он стоящего на мостике штурмана.

— Есть, сеньор, — отозвался тот.

— Потуши все огни и ложись сейчас же на пять румбов к ветру.

— Есть, сеньор.

Карло видел, как вахтенный надернул чехлы на бортовые огни, и шхуна стала заметно удаляться от красного глаза спутника.

Карло не ошибся в расчетах. В виду африканского берега «Луиза» в первый же день попала под крепкий северо-восточный ветер, а затем и в полосу муссона.

Стоя на мостике, Карло расцветал улыбкой, а его любимое судно, на котором он полтора десятка лет галсировал по Атлантике, быстро неслось к цели. Тропик Рака пересекали в солнечный полдень, а в вахтенном журнале стояла сделан-

ная рукой Карло отметка: «пятьдесят три часа».

Море было ярко солнечно. На изумрудных россыпях волн играли огоньки хрустально чистых брызг. Попутный ветер наполнил полотняные пузыри парусов, туго наструнились шкоты. На палубе «Луизы» почти весь экипаж отдавался приятному отдыху. Бронзовые от загара португальцы и рослые негры расположились под навесом из паруса и тянули унылый мотив матросской песни.

С наступлением вечера ветер стал слабеть и незаметно стих. Незадолго до заката по океану разлилась стеклянная поволока мертвого штиля, и воздух наполнился душной истомой. По небу рассыпались краски заката: ярко желтые, бурые, лиловые, опаловые, голубые. Солнце, сутулясь, уходило в западный горизонт. Воздух час от часу становился суше и давил приторно жарким удушьем. «Луиза» беспомощно болталась на лениво колыхающихся пластах мертвой зыби. Полотняные стены парусов дрябло висели, спускаясь с рей. Люди вяло слонялись по палубе.

Карло нервничал. Он часто поглядывал на циферблат часов, отмечая в каждом сдвиге стрелки шаг к роковой развязке, а в голове, схваченной тисками зноя, назойливо выстукивало: «Пятьсот эскудо, пятьсот эскудо...»

На северо-западе под горизонтом росла синева. Бесформенным пятном она расплывалась в стороны, ползла в небесную гору и надвигалась на йодный простор. Растущая синева слизнула горбушку прикорнувшего к морю солнца, и заштилевший океан, темнея, покрылся стальным щитом. По мере того как на небе синева становилась лиловой, море то серело, будто было обсыпано пеплом, то становилось агатовым. Мертвая тишина наполнялась напряжением и какой-то тревогой. Из синевы образовалась туча, ее валунчатый таран грозно плыл над океаном. Сухой жар был так силен, что смоляная шпаклевка палуб растаяла и выползала из щелей. Люди изнывали в неутолимой жажде. Кругом — ни звука. Словно весь океанский простор опустился в могилу.

Вдруг по темени тучи словно клинком исполинской шпаги ударила ослепительно белая полоса молнии, и вслед за этим грохот чудовищного канонады потряс тишину штиля.

Не успел Карло скомандовать уборку верхних парусов, как за бортом стекло воду вдруг сломалось, островерхие волны заметались толпами, и на их верхушках шхуна начала подпрыгивать в нервной пляске. Стеннело. С северо-запада, оттуда, где, суровее хмурилась туча, по морю побежали огоньки барашков, и скоро их резвящиеся стайки перегнали шхуну.

В мачтах «Луизы» загудело. Зашелестели снасти с тревожным скрипом, и паруса с хляпаньем и надрывным стоном приняли первый удар шквала. Шхуна понеслась вперед. Огромные, сверкающие серебром вихрастых россыпей, побежали один за другим шквалы и обрушились на палубу тяжелыми комьями кипящей пены. По грудь в воде работали люди. В чудовищном грохоте пропадали слова команды и скрип рангоута, борющегося с ураганом.

Карло с тревогой и вместе с тем с тайной радостью смотрел на океан, а шхуна неслась в желаемом направлении.

Всю ночь и еще день бесновался океан. Весь экипаж «Луизы» был на ногах, барахтаясь в пенных клочьях, что горами прокатывались по палубе. Матросы работали, управляясь со снастями. Бешеный бег судна словно заразил их своей стремительностью, и видя работу своих людей, Карло горел гордым восторгом. Он никому не сказал о

В виду африканского берега «Луиза» попала под крепкий ветер.

пари, а когда немного ослабевший шторм позволил определиться, он с нескрываемой радостью отметил в журнале: «90°35' — о. Св. Н. открылся».

«Луиза» была у цели. Остров Св. Николая поднимался над каймой прибойных бурунов, и к нему вместе с высокими гребнями волн стремительно неслась шхуна.

Карло со штурманом и боцманом стояли в руле.

— Вот она, цель! Пари взято! — указав на бугристый хребет острова, воскликнул Карло. Схватив зрительную трубу, он направил ее на желтеющую песком кайму берега. Но чем больше он всматривался, тем серьезнее становилось его лицо, и улыбка сменилась угрюмой тенью. На остроге, на фоне зеленых предгорий четко очерчивался белый остров отличительного знака, обозначающего вход в гавань, и мачты маячной радиостанции. По вычислениям Карло он имел еще час до срока, обусловленного пари. Этого было вполне достаточно для того, чтобы войти в бухту и стать на якорь, но впереди, пересекая голубую с проседью волнистую ширь, лежала длинно вытянувшись песчаная отмель. Белая полоса прибой как саван покрывала ее.

— К перемене галса!.. К левым брасам пошел!.. Руль на борт! — рассек шум бури громовой голос Карибаса

Люди, мелькая среди пенистого расплеска волн, засуетились, исполняя команду. Шхуна зарылась в волны, но понемногу выравниваясь, легла вдоль зыби. Огромный вал подхватил ее как скорлупу и швырнул, сбивая с курса в сторону. Паруса отчаянно захлопали. После того как шхуна, кувыкаясь и принимая на палубу горы воды, немного выравнилась и пошла в крутой бейдевинд, Карло взглянул на часы и с ужасом заметил, что осталось лишь тридцать минут. Время уходило. В голове Карло созревало безумное решение.

— Ложись под ветер! — дрогнувшим голосом приказал он Карибасу.

Штурман с ужасом и недоумением посмотрел на Карло.

— Ложись! — повторил Карло и, отшвырнув матроса от штурвала, ухватился за него сам.

Шхуна, словно сорвавшись с привязи, стремительно помчалась с волной. Не успел Карибас оправиться. От испуга, как полоса прибой очутилась перед носом, и гонимая зыбью шхуна ринулась в бурун. Грохот разбивающихся волн, треск ломаю-

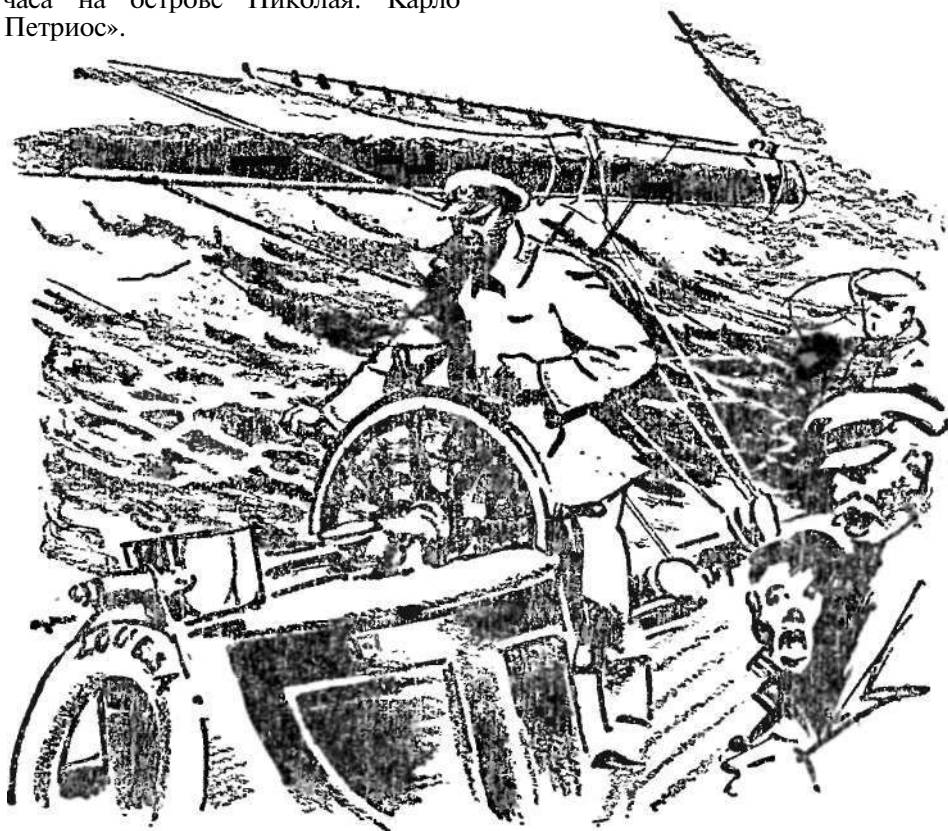
щегося рангоута и крики команды смешались в ушах Карло. Застегнув на груди пробочную куртку, он бросился в пенную россыпь. Стремительный вал подхватил его и, поигрывая как щепкой, шнырнул на заплыванный хлопьями пены песок.

С берега к месту крушения спешили люди. Навстречу им мчался Карло. Он кричал, заставляя встречных шарахаться в сторону. Вбежав в будку радиостанции, Карло возбужденными глазами взглянул на часы и, обращаясь к телеграфисту, обрывающимся от одышки голосом прохрипел:

— Пари выиграно... Телеграфируйте следующее: «Фунчал, сенбору Буччи Альварес. Девяносто четыре часа на острове Николая. Карло Петриос».

Последние слова Карл сказал едва слышным шепотом. Затем он пришибленно опустился на пол и глухо застонал. Телеграфист посмотрел, недоумевая, на странного человека в промокшем платье и пробочной куртке и, осененный догадкой, застучал ключом передатчика.

«Голотурия», попав в полосу тропического штиля, долго лежала на океане без движения, и Бласко ввел ее в гавань на острове Николая на три недели позже крушения «Луизы». К этому времени от судна Карло Петриоса остались лишь забросанные песком обломки.

Отшвырнув матроса от штурвала, Карло ухватился за него сам...

ПРОДАВЕЦ ВОЗДУХА

Научно-фантастический роман А. Беляева

Рисунки худ. А. Шпир

(Продолжение 1)

XVII. «Показательный взрыв».

На другой же день после первого наступления самолетов Красной армии атака возобновилась. Мы с Норой сидели в лаборатории, когда услышали тревожный сигнал. Взглянув друг на друга, мы по молчаливому согласию разом бросили наши

пробирки, быстро оделись и поднялись на вышку.

Было двенадцать часов дня. Серая пелена облаков покрывала небо. Высоко над нами слабо гудел один аэроплан. Но его не было видно. Я понял тактику наших летчиков: забрать большую высоту и лететь под прикрытием ниже лежащих облаков. Наше командование, очевидно, решило не бросать больших сил, а действовать одиночными налетами.

1) Содержание предыдущих глав см. в №11 «Вокруг Света».

Это была вполне разумная тактика в данных условиях. Но, увы, и сна не достигла цели.

Мистер Бэйли был поистине повелителем бурь. Прежде чем аэроплан достиг зенита, пришли в действие гигантские вентиляторы, путившие в небо мощный столб воздуха. Этот воздушный таран пробил дыру в облаках, которые быстро рассеялись. Выглянуло голубое небо... Аэроплан? Мы так и не видели его. Среди рева поднявшейся бури я уловил несколько захлебывающихся перебойных звуков мотора, как прерывающийся предсмертный клекот раненого орла. Ветер отбросил самолет вместе с тучами далеко в сторону...

В тот же день я узнал по радио результаты первых боев. Если только число жертв не было скрыто — «ко стратегическим соображениям», что утверждал Бэйли, — потери нашего воздушного флота были не так велики, как я боялся: три летчика были убиты, шесть ранены, два аэроплана разбиты. Большинству же воздушных машин удалось выравняться, но их отнесло на несколько сот верст. Несмотря на эти потери, дух наступающих не был сломлен. Правительство объявило, что не прекратит борьбы, пока враг не будет уничтожен.

— Посмотрим, кто кого уничтожит! — высокомерно говорил Бэйли. — Они еще не кушали всех моих го-стинцев.

В течение нескольких следующих дней воздушные атаки продолжались, по с тем же результатом. Усилители звуков задолго предупреждали о появлении самолетов, несмотря на применение глушителей, почти уничтожавших шум моторов. Всякий раз аэропланы отбрасывало далеко назад. «Ноздря Ай-Тойона» уже сделалась известной всему миру. Она усиленно выпускала воздух и теперь совсем не втягивала его в себя (чтобы вместе с аэропланом не втянуть и бомбы, которые могли бы разорваться в вентиляторе).

Наконец наши летчики, повидимому, убедились в невозможности атаковать город с воздуха. Воздушные атаки прекратились.

— Поумнели, — сказал Бэйли. — Жалко только воздуха, столько пришлось выпустить его. Но война не бывает без потерь; я опять вберу мой воздух к себе. Они еще придут ко мне, на коленях приползут! И будут вымаливать маленький глоточек!..

Опять потянулись дни тревожного ожидания. Сторожевые стояли на

своих наблюдательных вышках, напоминая о войне, но в городке жизнь шла своим чередом.

Через несколько недель это затишье было нарушено звуками далекой канонады. Похоже было на артиллерийскую стрельбу, но разрывов я не слышал. Это случилось ночью перед утром. Я быстро оделся и вышел в коридор. Там я неожиданно столкнулся с Бэйли.

— Ваши товарищи не унимаются, — сказал он злобно. — Они подвезли дальнбойные пушки и хотят разгромить городок. Глупцы! Они не понимают, что этим только ускорят смерть всего мира. Теперь нет нужды скрывать вашего присутствия у меня. Идемте со мной на радиостанцию, вы мне нужны.

— Отправьте радиотелеграмму, — сказал Бэйли Люку, когда мы вошли к нему.

Люк сел к передатчику. Бэйли начал диктовать:

— «Командующему армией. Прекратите немедленно бомбардировку. Если хоть один снаряд попадет в подземный городок мистера Бэйли, то произойдет мировая катастрофа. В городке находятся огромные запасы жидкого водорода. При истечении водорода и воспламенении его произойдет соединение водорода с жидким воздухом, и это соединение, несмотря на весьма низкую температуру жидкого воздуха, произведет гремучий газ с колоссальным жаром пламени, вследствие сильной концентрации кислорода в жидком воз-

духе. Развившаяся теплота в одно мгновение превратит весь жидкий воздух в газообразный. Произойдет взрыв небывалой силы. Поднявшийся ураган сметет с лица земли города и селения. Разразится неслыханная в истории человечества катастрофа. Калименко».

— Вы хотите, чтобы эта радиотелеграмма шла от меня? — удивленно спросил я.

— Да, от вас. А вы сами разве не хотите предупредить страшную катастрофу? Вам они скорее поверят, чем мне. Я не лгу. Вы сами видели жидкий водород, озера жидкого воздуха и груды воздушных шариков. Наконец, если не верите мне, можете спросить у профессора Энгельбректа.

«Неужели Энгельбрект на стороне Бэйли?» — мелькнула у меня мысль.

— Я не могу послать такой радиотелеграммы, — отвечал я.

— Почему?

— Потому что я верю только тому, что видел глазами. Действие воздушных шариков мне неизвестно.

— Ах, вот как! Вы не верите мне? Ну, хорошо, я предоставлю вам случай убедиться. Это мне будет стоить не дешево, но вашим товарищам обойдется еще дороже.

И обратившись к Люку, он добавил:

— А телеграмму вы все-таки пошлите от имени Калименко. Обойдемся и без его согласия!

«Вы хотите, чтобы эта радиотелеграмма шла от меня?» — удивленно спросил я...

— Но я протестую!
— Сколько хотите... Идемте отсюда.

Я стоял, не двигаясь.
— Хотите, чтобы я арестовал вас?

Я был в его руках. Арест ничему не помог бы, а я еще могу причинить Бэйли вред, если останусь на свободе. Пришлось повиноваться.

Телеграмма была отправлена и принята. Некоторое время пушки молчали: вероятно, командование сносилось с Москвой. Но на другой день пушки вновь загрели. Один снаряд взорвался у подошвы кратера. Бэйли решил, что рисковать больше нельзя, и отдал распоряжение «дать наглядный урок». Снова была отправлена радиотелеграмма, предупреждавшая на этот раз, что мистер Бэйли «разрядит» одну миллионную часть запасов своего воздушного оружия, чтобы убедить врага и весь мир, какое действие должен произвести взрыв всего городка.

* * *

На западный склон кратера выкачали несколько бочек, наполненных безобидными на вид блестящими шариками. Все люки были плотно закрыты. Бэйли пригласил меня и Нору наблюдать за действием взрыва из небольшого оконца, проделанного в скале, недалеко от ее вершины. В оконце было вделано стекло толщиной в пять сантиметров.

— Ну, полюбуемся сами,—сказал он,—как действуют мои шарики.

— Пока они спокойно лежат, не смотря на то, что в воздухе температура всего двенадцать градусов ниже нуля, а атмосферное давление даже ниже обычного.

— А вы хотите, чтобы шарики взорвались моментально? Тогда нам не удалось бы их вынести наружу. Энгельбректом изобретен состав, замедляющий испаряемость и взрыв. Подождите немного...

— Но если так, почему же этим предохранительным составом вы не осумкуете все шарики?

— Никакой состав не поможет против жара, развиваемого взрывом артиллерийского снаряда. Вот, смотрите, начинается!..

Действительно, я увидел, что шарики, лежавшие сверху, начали как будто куриться. Вскоре бочки покрылись облаком пара. Это облако выросло с необычайной быстротой, затягивая все пространство перед нашими глазами.

— Это еще не взрыв,—сказал Бэйли.— Это только испарение пре-

дохранительной оболочки. А вот...— Но он не успел договорить.

Что-то треснуло, ухнуло, и я потерял сознание.

...Когда я открыл глаза, то увидел над собой небо, на котором тучи вертелись и рвались, как в бешеном водовороте. От внешней стены нашего помещения не осталось и следа. Весь верх также снесло, при чем порыв урагана был так велик, что на нас, к нашему счастью, не упало ни одного камня,—они были унесены как солома. Рядом со мной лежала Нора, а у задней стены—Бэйли с разбитой головой. Под ним расплзлась лужа крови.

Я посмотрел на горную долину и не узнал ее. От леса не осталось и следа. Деревья были вырваны с корнем и унесены неведомо куда. Горные пики и даже целые вершины сорваны. Прямо передо мной, между горами открылась новая долина, за которой виднелась безбрежная снежная пустыня... Там еще бушевал ветер, но вокруг нас было относительно тихо.

Я попытался сесть. Все мое тело болело и ныло—гораздо сильнее, чем в тот день, когда меня стянул вентилятор. Я еще раз посмотрел на Бэйли. Рот его был полуоткрыт, глаза остекленели. Он был мертв. Тем лучше!.. Он сам приготовил себе смерть.

Я наклонился к Норе и начал приводить ее в чувство. Она была не-обходима, но лежала в глубоком обмороке. Мне пришлось не мало повозиться с ней. Искусственное дыхание не возвращало ее к жизни. Я был на грани отчаяния, когда вспомнил о способе восстанавливать биение сердца частым постукиванием кулака в области сердца. Это помогло. Пульс усилился, и Нора наконец открыла глаза.

— Как вы себя чувствуете?—спросил я.

— Благодарю вас, сносно. Где мистер Бэйли?...

— Убит,—ответил я, не скрывая своей радости.

Но в этот момент я услышал за собою хрип. Вслед за этим Бэйли глухо проговорил:

— Чорт возьми!.. Я, кажется, перестарался.

Он задвигал руками по полу.

— Я не могу поднять головы...—так же глухо продолжал он.— Помогите мне.

Я подполз к Бэйли и усадил его, прислонив к стенке. Голова его свесилась набок.

— Давление пятьдесят тысяч атмосфер... Главная волна должна была

итти в сторону нагрева... Нагреватель был поставлен на запад. Л между тем такая контузия...—бормotal Бэйли, разбираясь в своей ошибке. Потом он застонал и закрыл глаза.

Одна мысль вдруг молнией пронеслась в моем мозгу. Мистер Бэйли был в моих руках! Если я его... Никто не узнает!.. Я подмял большой осколок камня и уже занес над головой Бэйли. Нора внезапно схватила мою руку и отвела в сторону.

— Как вам не стыдно... убивать раненого, больного, беззащитного человека!.. — шептала она.

Я смутился. Камень выпал из моей руки.

— Но разве вы сами...

— А? Что?.. О чем вы шепчетесь?—спросил мистер Бэйли, приоткрыв правый глаз.

— Вас нужно отнести в комнату, я сейчас позову людей,—сказала Нора, потирая свои щеки, побелевшие от холода.— Мистер Клименко, позовите кого-нибудь на помощь.

Я колебался. Но в этот момент сквозь разломанную дверь пролез Уильям. Одежда это была порвана, лицо в синяках и ссадинах. Видимо, ему также досталось от взрыва. Следом за ним явились двое слуг. Они взяли Бэйли на руки и, с большим трудом просунув его тело в развороченную дверь, унесли.

Нора смотрела на картину разрушения.

— Какой ужас! — сказала она.

— Вы скоро раскаетесь в вашем милосердии.

— Может быть, но иначе я не могла,—ответила девушка.— Это было сильнее меня...

XVIII. Бэйли снимает маску.

Норе пришлось ухаживать за ранением Бэйли. Положение его было довольно серьезно. Его мучили головные боли. Временами он бредил. Первые ночи Нора не отходила от него.

— Ну, как?..—при каждой встрече спрашивал я Неру с тайной надеждой, что Бэйли не выживет.

— Все в том же положении,—отвечала Нора и, видя мое разочарование, смущенно говорила: — Вы, вероятно, упрекаете меня в слабости, но это сильнее меня, я уже говорила вам. Я не могу...

— А как его настроение?

— Сегодня утром мистер Бэйли пришел в себя и сказал: «Я набил себе порядочную шишку, но у моих врагов шишка будет наверное побольше».

Бэйли был прав. «Показательный взрыв» произвел огромные опустошения. На тысячи километров к западу, куда была направлена главная сила взрыва, страна представляла печальное зрелище. Как будто гигантская бритва прошла по земному шару, сбив начисто вековые леса, селения, города... Реки вышли из берегов, и наводнения доканчивали дело бури. Кто не погиб от ветра, тот нашел смерть в волнах. Трупы людей и животных были раскиданы повсюду, целые дома заносило на вершину гор или в озера, иногда за сотни километров.

Полоса между шестидесятыми и семидесятыми градусами северной широты особенно пострадала. Но счастью для наиболее густо населенных мест европейской части СССР и Западной Европы, очаг воздушного взрыва находился

порывы продолжали ощущаться еще долгое время.

Урок был дан хороший! Весь мир содрогнулся от ужаса...

Сказка о преступлении большевиков, готовившихся удушить мир, рассеялась. Имя Бэйли было у всех на устах после того, как он сам дал радиотелеграмму «всем! всем! всем!», призывавшую признать его власть и сложить оружие. В наиболее пострадавших государствах царила паника. Печать требовала перемирия, предлагая сейчас же начать с мистерам Бэйли переговоры о соглашениях.

И только Советский Союз объявил, что не сложит оружия до тех пор, пока враг не будет побежден.

Это решение вызвало взрыв возмущения в

печати Германии, Англии, Фран-

мневаюсь, действительно ли он занимался «Внештормом» с Марсом. Но «земные» его цели стали мне вполне понятны, когда я узнал об ультиматуме. Бэйли преследовал социально-политические задачи: он хотел на вечные времена закрепить рабочий класс, предоставляя ему возможность работать за право дышать, «дышать» в буквальном смысле слова!

Буржуазные правительства нашли условия мистера Бэйли более чем приемлемыми для себя. Но в рабочих массах этот ультиматум вызвал живейший протест. Однако с рабочими капиталисты надеялись быстро расправиться. «Кто против нас, тот останется без воздуха», — лаконически отвечали защитники соглашения с Бэйли.

Мир стоял перед новым ужаснейшим кровопролитием. Впрочем, реакционная печать (уже через два дня после ультиматума) цинично заявляла, что на этот раз революция, если рабочие захотят поднять ее, будет «совершенно бескровной», намекая на то, что классовый враг попросту будет удушен.

Я сообщил эти новости Норе. Она выслушала их молча, только губы ее дрогнули.

— Так дальше продолжаться не может, — сказала она, помолчав. — Я должна сегодня же переговорить с отцом. Приходите в полночь на нашу площадку. Я расскажу вам все, что узнаю от него.

Вечером ко мне зашел мистер Люк. Он был необычайно мрачен. Вопреки обыкновению, он не предложил мне играть в шахматы. Угрюмо бродя по комнате, он выкрикивал от времени до времени крепчайшие проклятия.

— Вы не в духе, мистер Люк? — спросил я его.

— Будешь не к духе, — буркнул он. — Пусть дьяволы разорвут требуху мистера Бэйли и всех ваших «товарищей»!

— В чем дело, мистер Люк?

Люк расставил широко ноги, скрепив руки на груди, и трагическим тоном ответил:

— Дело в том, что в городке нет больше ни капли джину!

— Как? — воскликнул я с удивлением. — Неужели запасы городка истощаются?

— Истощились!.. — мрачно, огрызнулся Люк. — Нет джину, а скоро нечего будет и есть, кроме мороженого мяса... — Он помолчал и, махнув рукой, продолжал: — Эх, ну что скрывать. Вы все равно не уйдете из этой мышеловки... Нам доставля-

Нора внезапно схватила мою руку и отвела в сторону...

далеко. Уральский горный хребет также несколько задержал ураган. Уфа, Свердловск. Пермь и другие города, лежащие недалеко от Уральского хребта, пострадали меньше Поволжья: на Урале ветер сделал как бы огромный прыжок, и обрушился всей массой на Самару, Нижний-Новгород, Вологду и дальше — Москву, Ригу, Варшаву. Польша, Германия, север Франции и Англия имели такой вид, как будто здесь произошло сильнейшее землетрясение. Далее вихрь пронесся по Атлантическому океану, потопив там множество судов, перекинулся на восточные берега Северной Америки и, произведя в Канаде и Соединенных Штатах огромные разрушения, помчался через Тихий океан к берегам Японии, обогнув таким образом весь земной шар.

Пролетев пустынями Азии, ветер сделал полный круг! В одну бурную ночь наша гора тряслась как в лихорадке под напором восточного ветра. Так, все более замедляясь, вихрь четыре раза обошел вокруг земного шара. Его периодические

ции и Соединенных Штатов. Если СБСР упирается, то европейские держат и Америка могут заключить мир с мистром Бэйли и через голову СССР." Если же СССР будет противиться этому, то «против него вооружится весь мир».

И действительно, скоро от имени правительств Германии, Франции, Англии и Соединенных Штатов Северной Америки мистру Бэйли была прислана радиотелеграмма, предлагающая ему изложить условия мира.

Бэйли не заставил себе долго ждать. Он ультимативно выставил три пункта:

1. Повсеместное установление диктатуры крупного капитала.

2. Физическое истребление коммунистов.

3. Монополия продажи воздуха остается за мистром Бэйли, как гарантия, обеспечивающая незыблемость устанавливаемой им политической системы.

Наконец-то Бэйли открыл свое настоящее лицо! Я до сих пор со-

лись запасы со стороны, на аэропланах. Мистер Бэйли все время поддерживал связь с внешним миром. При всем его богатстве ему одному не удалось бы соорудить и поддерживать такое предприятие. Мистер Бэйли не один. У него много союзников. И они все время поддерживали его, пополняли наши запасы... Но теперь мы в блокаде. Ваши летчики — и бури их не берут! — установили такой кордон, что ворона не пролетит, а не то что аэроплан. Мы отправили нашим союзникам в Англию уже три отчаянные телеграммы и получаем все тот же ответ: «Нет возможности. Потерпите, скоро будет заключен мир». Потерпите! — сердито закончил Люк. — Им хорошо там терпеть. А каково мне тут!..

То, что сказал мистер Люк, было для меня откровением. В одном отношении Бэйли оказался сильнее, чем я думал раньше. Он не был, оказывается, борцом-одиночкой, но стоял во главе заговора капиталистов!

Быть может, силы всего международного капитала поддерживали Бэйли. «Продавец воздуха» — это только ловкий маневр, чтобы среди рабочих и населения не возбудить

гнева против всех капиталистов. Дело было поставлено так, как будто один маниак или злодей завладел воздухом, а капиталисты лишь принуждены принять его условия!

С другой стороны, положение самого Бэйли и его городка, как я узнал от Люка, было почти катастрофическим. А если капитулирует городок, то и весь заговор сорвется. Этого не знали рабочие, не знало и правительство СССР. Недаром иностранные государства так спешат заключить мир с мистером Бэйли. Наступают решительные дни. Теперь все средства хороши... И если Нора не имеет сил прикончить мистера Бэйли, то это сделаю я!

Новости, сообщенные мне Люком, были так важны, что я решил вознаградить его и вытащил из-под кровати припасенную много за неделю до этого бутылку джину.

Мистер Люк, увидев заветную бутылку, издал рычащий звук и набросился на нее. Как зверь на добычу. Он начал пить прямо из бутылки и оторвался не раньше, чем высосал половину. Потом он вытер губы, любовно закурил бутылку, опустил в карман и, поблагодарив меня, ушел.

(Окончи те в следующем номере)

== ХАН-КОРМИЛЕЦ ==

Рассказ П. Аренского

Рисунки худ. В. Сайчука

Я приехал на Черноморское побережье и поселился в ущелье, у лавы Корна. Ущелье было дикое. Горы словно разорвались кругом, чтобы дать место крошечному хутору в сливовом саду. Угрюмый грабовый лес подступал со всех сторон, и глубокие овраги дышали сыростью и тьмой в мои окна.

Корн мужественно отстаивал свое хозяйство, корчевал лес и сушил чернослив. Эмилия, его жена, уходила в лес с коровами, вязала чулки и фуфайки и носила на боку кинжал «от зверя». Иногда с ближайшего полустанка приходил черкез Ахмед и уводил Корна на всю ночь в горы подстергать кабанов в заброшенных черкесских садах. Если охота бывала удачна, Корн еще издали извещал об этом жену. Тогда она бурно врывалась ко мне за мешками и веревками.

— Старик с хребта кричит! Кабана убили!

Разводились костры, и всю ночь жарили мясо и укладывали его в кадушку, заливая впрок подсолнечным маслом. Со всех сторон беззвучно

подкрадывались шакалы, и лес и горы, как по сигналу, оглашались сотнями визжащих, хохочущих и кричающихся голосов.

— Везде гуляй, везде ходи, — сказал мне Ахмед. — На старое шоссе не ходи. Там есть собака Хан. Съест.

И он показал шрам от старого укуса.

— Зато хозяйка хороша, — подмигнул Корн — Можно познакомиться.

Замечание это вызвало взрыв хохота.

На другой же день, не зная местности, я забрел на это шоссе, давно заброшенное, поросшее колючей ожиной и оплетенное лианами. На горе, в зарослях чернела полуразрушенная крыша. Внезапно с обрыва скатились три собаки и с бешеным лаем ринулись на меня.

Я отступил и присел к земле. Прием этот, которому я выучился в горах, оказал свое действие. Два лохматых кобеля тотчас же уселись и навестили уши. Третий подскочил ко мне.

«Хан!» — подумал я.

Это был страшный пес. Костлявый, с жесткой вытертой шерстью на деревянных мышцах, с хвостом, торчавшим кверху, как сухой сук. Вытянув морду и рыча, он смотрел мне прямо в лицо. Было ясно — стоило мне шевельнуться, и он перервал бы мне горло.

Минуты две продержал он меня под своим лютым взглядом, потом угрюмо отвернулся, почесал бок и какой-то презрительной подагрической рысцой ушел в лес. Я двинулся дальше.

На полустанке я запасся краюхой хлеба, тяжелым обломком ржавого железа вместо оружия и пошел обратно.

Хан лежал один поперек шоссе, положив голову на лапы. Я вежливо бросил ему хлеб и прошел краем дороги. На этот раз он не обратил на меня ни малейшего внимания, даже не поднял головы. Оглянувшись, я видел, как он лениво обнюхал хлеб и, не тронув его, лег па прежнее место.

Развалина на откосе казалась лишней жизни. Но вечером, выйдя к морю, я заметил в той стороне огонек. Таинственная соседка видимо готовила себе ужин.

Ноговинка, наполовину сгоревший поселок в устье реки Шахэ, покинут жителями, как говорят, из-за малярии. Длинный шоссеый мост обрушился и лежит в воде. Дома покосились, почернели, кое-где бродят одичавшие, невероятно худые собаки. Около полустанка — несколько жилых домов и среди них — лавка Ахмеда, в которой можно достать кабанины, хлеба и папирос.

Как-то, подходя к лавке, я встретил на дороге старуху. В черных лохмотьях, с большим мешком за спиной, она шла, опираясь на палку, и хромала. За ней по краю дороги, стараясь остаться незамеченным, шел Хан.

У лавки стоял Ахмед.

— Эй, — крикнул он, — я убью твоего Хана!

— Убивай, — сказала старуха и оскалилась.

— Ей-богу убью. Проходу нет. Жена не может ходить за молоком. Три версты крюку делает.

— Убивай. Я его сама убью.

И сразу она пустила клюкой в Хана. Он отскочил, спрятался в кусты и покорно издали поплелся за ней.

— Хорошая собака, — сказал я.

— Хороший собака, — задумчиво согласился Ахмед. — Рубля... полтора за шкуру дадут.

— Эта старуха и живет в развалине?

Он презрительно кивнул головой.

— Одна?

— Одна.

— Чем же она питается?

— А шайтан ее знает! Кости собирает, кости глодает. Скажи хозяину: вечером приду. Надо облаву делать — волки. Много волков, скот задирают.

Это известие не взволновало меня — я не был охотником. Целые дни я мирно бродил по тропинкам и ущельям, вслушиваясь в жизнь леса.

Мои отношения с Ханом установились. Я часто проходил по шоссе, и он молча пропускал меня мимо. Лохматые кобели иногда хрипло лаляли из-за деревьев, но, видя его равнодушные, умолкали.

Однажды я прошел мимо самого его носа и, обернувшись, бросил ему несколько язвительных слов:

— Эх, ты, несчастная шавка! Неужели это о тебе рассказывают такие страшные истории? Мне тебя просто жаль, старик!

Хан и ухом не повел. Но когда я возвращался, случилось нечто неожиданное. Все три пса ринулись на меня, как иступленные. Повидимому план был составлен заранее. Хан решил покончить со мной.

Я опять сел на землю, но это не помогло. Хан свирепо прыгнул ко мне, схватил за рубашку и рванул. Рубашка была разорвана сверху до низу и окрасилась кровью.

Страх, охвативший меня вначале, уступил место ярости. Я искал вокруг себя палку или камень, чтобы вступить в борьбу. Но все кончилось, как и в первый раз. Хан отвернулся, мрачно посмотрел в лес, и все трое исчезли за деревьями.

Мое человеческое достоинство было невыносимо унижено. На следующий день я взял у латыша старое ружье и пошел на шоссе. Однако по дороге я понял, что убийство собаки вряд ли доставило бы мне удовлетворение. Я свернул в сторону и обошел развалину сверху, узкой звериной тропинкой, бежавшей по саком} кражу лесистых холмов.

Каково же было мое изумление, когда на обратном пути я увидел на этой тропинке Хана. Он лежал как всегда, положив голову на лапы, и не шевелился.

Пес объявил мне войну. Он хотел изгнать меня из своих владений. Я поднял ружье и прицелился. Он видел, но не шелохнулся. Я стал приближаться. На расстоянии десяти шагов он встал и повернулся ко мне. Я сделал еще шаг. Он оскалил зубы и вздыбил шерсть. Его глаза налились кровью.

Несколько мгновений мы стояли друг против друга, а потом я осторожно сошел с тропинки и пошел оврагом, по щиколотку утопая в лежалой листве.

Я сделал большой крюк, ложбиной вышел на дорожку и огляделся. Проклятый пес был опять впереди. Он стоял боком и как будто смотрел в лес, но явно поджидал меня. Я опять сошел вниз и по лесу дошел домой.

— Ничего не убил? Волка не встречал? Медведь видел? — добродушно встретил меня Ахмед.

Он сидел с латышом под кухонным навесом и ужинал. Я подсел к ним. Говорили о волках. Стаи их так обнаглели, что на глазах у людей нападали на горные хутора и резали овец в загонках.

— Люди видели. Двенадцать штук. Жирные! У отца в Кичмай цепного кобеля зарезали. Тоже у Абраима ночью собака пропала. Беда!

Латыш покачал головой.

— Нет, это не волки, — сказал он.

— Медведь? — подсказала Эмилия.

— Медведь в эту пору с гор не спустится. Это барс.

— Я сам тоже так думаю, что барс, — сказал Ахмед. — Он любит собак кушать. Собака ему лучше овцы.

Беседа затянулась, латыш и черкес с блестящими глазами наперебой рассказывали о своих охотничьих приключениях и необыкновенных встречах в лесу.

После этих разговоров я неожиданно для самого себя сделался ярым охотником. Я решил выследить и убить барса. Никому не говоря об этом намерении, я стал бродить целыми днями с ружьем по окрестностям.

Однажды поздно вечером я вышел к реке около разрушенного моста. Встал месяц и засеребрился в воде. Я закурил трубку и сел на откосе,

Кругом стояла дикая сумрачная тишина, нарушаемая только журчанием воды. От реки дышало холодной пронизывающей сыростью. Длинный мост, как змея, волнообразно полз по отмелям и руслам, местами вода переливалась через него. По мосту гуськом двигались какие-то низкие черные тени с остроконечными ушами. Что это? Волки?.. Один за дру-

гим, осторожно перепрыгивая через воду, они переходили на эту сторону и исчезали в лесу.

Я согнулся и, стараясь не производить шума, побежал на полустанок к черкесу.

— Волки! На мосту! — сказал я.

Он тотчас же накиннул полушубок и схватил ружье.

— Стой! А ты где был? Откуда видел?

Я подробно описал ему место.

— Ну, давай покурим.

И Ахмед снял полушубок.

— А как же волки? — спросил я.

— Волки утром назад придут.

В Ноговинку. Тогда постреляешь сколько хочешь. Они тут живут. Под воротами.

Он дружелюбно положил мне на руку свою ладонь:

— У начальника сегодня конь пал, в лес бросили. Собаки пошли кушать.

Вероятно он был прав, и я, не зная повадок волков, принял за них собак. Я смущенно закурил трубку и двинулся домой.

— В рубашке не ходи, — сказал Ахмед. — На Кавказе помни: днем — рубашка, ночью — шуба. А то заболеешь.

В лесу я услышал глухую возню и хруст гостей. На маленькой лужайке,

В черных лохмотьях, с большим мешком за спиной она шла, опираясь на палку, и хромала...

освещенной месяцем, собаки рвали труп коня. Я подошел поближе. Среди рычания и чавканья мне вдруг почудились хриплые звуки человеческой речи. Внезапно над серой стаей взлетел костыль, и визг и грызня усилились. Потом смутный человеческий облик с горбатым мешком за спиной заковылял к лесу.

Я угадал в нем старуху из развалины. Что делала она здесь? Неужели дралась с собаками из-за падали? Мешок ее был набит... Меня охватило отвращение.

Мы шли одной тропинкой, и я прислушивался — не раздадутся ли впереди ее шаги. Но в лесу было тихо. Я пробежал вперед, остановился и опять прислушался. Ничего. Может быть у нее есть СВОИ собственные дорожки и ходы в лесу, как у зверей? А может она стоит тут где-нибудь рядом за деревом и смотрит на меня?..

— Эй, соседка! — крикнул я.

Тишина. Вдруг весь лес завыл, залаял, захохотал. Я невольно вздрогнул, хоть и знал, что это только маленькие голодные шакалы, заявлявшие претензию на свою порцию падали.

Слухи о барсе распространились по всей округе. Охотники устраивали засады, ставили капканы, караулили целыми ночами, но ни барс, ни волки не обнаруживали своего существования. Лес словно вымер, не попадались даже зайцы.

Но вот снова начались разбои, прекратившиеся было на несколько дней. У наших соседей в двух километрах вверх по ущелью была разломана ивовая овчарня и похищена телка.

Ночи стали тревожны. Волчок — каш цепной кобель — скулил и лаял, чуя невидимую опасность, и латыш вставал и стрелял в темноту.

Как-то вечером я остановился на каменном мостике через ручей, очарованный мрачным величием местности. Огромное синее ущелье темными котловинами спускалось к морю. Гигантский дремучий безмолвный лес все заполнил кругом. Вековые лесные пахучие властно струились в воздухе.

Были сумерки, тихо булькал ручей, и где-то совсем близко между деревьями позвякивал колокольчик. Вдруг из-под моста стремительно выскочил большой серый зверь и как призрак пропал вдали. Но я все-таки успел разглядеть его. Это был Хан.

На дорогу вышла молодая буйволица, черная, как сажа, с колоколь-

чиком на шее. Вероятно, она отбилась от стада. Я погнал ее перед собой и через несколько поворотов дороги встретил человека, такого же черного, как она, в широкой соломенной шляпе и босого. Он что-то прокричал мне, оскалил белые зубы и тотчас же погнал ее домой.

Я раздумывал, что мог делать пес под мостом. Не подкарауливал ли он эту буйволицу? Или может быть ждал подругу? Или просто залез в тень?

Стало совсем темно, и месяц раскинул по земле тихие тени. Я вернулся к мостику и решил покараулить тут в засаде. Место было дикое — в пору моему барсу. Устроившись в зарослях среди густых теней, я приготовил винтовку и затих. Прямо передо мной белела освещенная месяцем дорога.

Вскоре вверх, в темной гуще ветвей началось тихое шептанье, цыркание и возня. Это соньки, маленькие грызуны, наполняющие мрак кавказских «щелей» таинственной жизнью.

Какая-то тень промелькнула на дороге, — может быть сова. Во мраке ущелья, позади меня, мерцая, реяли светлячки. Где-то далеко провыли шакалы. Вдруг на дороге появилось что-то темное. Какой-то зверь нюхал землю. Я приложился к винтовке. Он поднял голову. Опять Хан. С досады я чуть не выстрелил.

В следующее мгновение его уже не было. Но зато так же бесшумно и неожиданно появились оба шершавые кобеля. Они понюхали дорогу в том же месте и исчезли за ним. Место было то самое, где из лесу вышла буйволица. За ними появились другие собаки. Костлявые, хищные, с торчавшими ушами и горящими глазами, они бесшумно мелькали одна за другой, ведя мордой по самой земле. Это были голодные псы Ноговинки, которых я принял в тот раз за волков.

Я раздумывал, что мне делать, когда на освещенном пространстве, как тень, отброшенная на экран кино, появилась стая шакалов.

Они стояли неподвижно, тощие, головастые, как паршивые щенки, и,

повернув ко мне голову, полуприсев на задних лапах, жадно нюхали воздух. Они почуяли меня, и прежде чем я успел спустить курок, пропали, словно сдунутые неслышным ветром.

Внезапно над серой стаей взлетел костыль, и визг и грызня усилились...

Где-то вдали раздался одинокий голодный вой. По ущелью поднялся ветер. Стало совсем темно, тучи закрыли месяц. Я пошел домой.

Эмилия сообщила мне, что Корн с черкесом караулят в лесу около привады. Я лег спать.

Яростный лай Волчка разбудил меня. Он охрип от лая, визжал и бросался во все стороны, неистово потрясая цепью.

Давайте ружье! — сказала Эмилия, вбегая ко мне.

Она вышла на крыльцо и выстрелила.

— Волки? — спросил я.

Эмилия покачала головой:

— На волков он не будет так лаять. Должно быть барс.

Мы зажгли фонарь и прошли в коровник. Все было на месте. Эмилия тщательно приперла дверь и изложила засов. Волчок ласкался ко мне, повизгивая и вздрагивая, и смотрел в лес. Ночь была душная и темная. Вдали над морем трепетали зарницы. Цыркали соньки, стрекотали сверчки.

Я опять лег и заснул, но через час вскочил и дрожащими руками схватился за ружье. На дворе происходило что-то страшное — хрипение, визг, задушенное рычание и грызня.

Я выстрелил в темноту. Мне показалось, что какой-то крупный зверь мелькнул в воздухе и бросился в лес. Я сделал еще несколько выстрелов наугад. Все стихло.

У Волчка на шее оказалась глубокая рана. Он весь дрожал. Эмилия долго осматривала засов в коровнике, качала головой и наконец крепко прикрутила его веревкой.

Утром, сопоставив ночные события, я пришел к некоторому заключению. Осмотрев дорожки, я спустился в овраг, примыкавший к коровнику. Солнце золотило лес, холодные капли росы висели на листьях. В ожине на четвереньках стоял черкес.

— Иди сюды, — сказал он. — Гляди. Кто это?

На влажной земле были свежие Следы звериных лап.

— Хан, — сказал я.

Он с удивлением посмотрел на меня.

— Откуда ты знал?

Я рассказал о моей встрече с бродячей стаей собак. Он потащил меня на тропинку и указал на земле следы от костыля. Они вели к коровнику.

— Понима-а-ешь?

Я начинал понимать.

— Идем! Бери ружье, сейчас идем!

Ахмед был красен от гнева.

— Воровка! — повторял он. — Шайтан ее дерит!

Мы направились к развалине над шоссе. По дороге Ахмед обратил мое внимание на несколько капель крови, оставшихся на листьях.

— Хорошо стрелял, — сказал он. — Попал. Шайтан ее дерит!

Участок был дик и запущен. Перед ветхим почерневшим домом на утоптанной площадке дымился потухающий очаг. Здесь с ужасным рычанием встал Хан. Вся шерсть его поднялась дыбом, и налитые кровью глаза выбирали, на кого из нас броситься.

Я не успел поднять ружья, как раздался выстрел черкеса, и пес покатился на землю, судорожно сжимая и разжимая челюсти. На пороге появилась старуха, рваная, тощая; она тяжело опиралась на клюку, глядя на издыхающую собаку.

— Убили, проклятые! — сказала она и перевела на нас ненавистный взгляд. — Теперь убивайте и меня.

— Слышишь? — злобно усмехнулся Ахмед. — Он ее кормил... Пусти! — крикнул он ей. — Воровка!

Старуха опустилась на землю. Я заметил, что одна нога ее безобразно распухла и почернела. Повязка из листьев и лохмотьев была окровавлена.

Мы вошли в дом. Всюду валялись кости, в углу были собраны порванные овечьи шкуры. Тяжелый запах падали стоял кругом. Мы были подлинно в волчьей берлоге.

— Понима-а-ешь? — говорил Ахмед, перебирая шкуры.

Старуха, вытянув голову, неотступно следила за нами, но не отвечала ни на один вопрос. Голова ее тряслась и взгляд потухал. Она внушала опасения. Я угро-

зовил Ахмеда пойти за повозкой, чтобы отправить ее в больницу. Он предпочел бы просто пристрелить ее, но пошел. Я остался один.

Тут на меня навалилось молчание леса. Никогда не ощущал я его таким утрюмым и враждебным человеку. Старуха закрыла глаза, свесила голову и не шевелилась. Уж не померла ли она? Челюсть ее отвисла и пальцы скрючились.

Я громко окликнул ее, она не шевельнулась. Полуоткрытый мертвый взгляд Хана блеснул на меня холодом. Я отошел, спустился на шоссе и там принялся ждать.

Часа через два появился Ахмед с повозкой. С ним шли Корн и еще несколько человек.

— Знаешь, кто тут поедет? — спросил он, указывая на повозку. — Барс поедет! Ха-ха-ха!

Мы поднялись в гору.

— Эй, хозяйка, вставай! — крикнул Ахмед. — Хозяйка! Где она?..

Старухи не было на пороге, где я ее оставил. Не оказалось ее и в доме. Мы обыскали кругом лес, тропинки и овраги, но нигде не обнаружили ее следов. С звериной хитростью прикинулась она мертвой, чтобы усыпить мое внимание, и ушла.

С этих пор никто не видел ее. Может быть она перекочевала через горы, может быть умерла забившись в непроходимые лесные трущобы, как зверь, почуявший приближение часа смерти.

Я купил у Ахмеда шкуру Хана за пол-

Убили, проклятые! Теперь убивайте и меня...

тора рубля, хотя она не стоила и полтинника.

Загадочные разбои в окрестности прекратились, но каждую ночь раздавался гнусавый хохот шакалов в лесу, и голодным воем отвечали ему собаки в Ноговинке.

ОСТРОВ, ТРИЖДЫ РОЖДЕННЫЙ

Лаборатория природы. — Дар вулкана — Притязания королевы Тонга. — Торжественное отплытие. — Ночная тревога. — В атаку на остров. — «От имени королевы Тонга...» — В кратере вулкана. — «Уголок ада». — Дары океана. — Что будет с островом?

Тихий океан хранит сию много сюрпризов для человечества; к числу их принадлежат острова, внезапно вырастающие из волн по прихоти вулканических сил. Геологи установили вулканическое происхождение многих островов Тихого океана, но редко приходится ученым присутствовать при рождении такого острова, наблюдать его, так сказать, в «сыром виде», только что вышедшим из таинственной лаборатории недр Земли.

Подобное рождение острова имело место на рубеже 1927 и 1928 годов в архипелаге Тонга, или Дружбы (Полинезия).

Архипелаг этот расположен в так называемом вулканическом поясе, идущем с северо-востока на юго-запад, от островов Самоа, через группы Тонга и Кермек до северного острова Новой Зеландии. Этот пояс включает огромное количество действующих и потухших вулканов, из которых многие находятся на дне океана. Геологи считают эту часть Земли наиболее «слабой» в смысле плотности земной коры, вследствие чего там и часты извержения.

Упомянутый островок уже дважды появлялся на картах.

Впервые он был отмечен в 1865 году британским фрегатом «Сокол», по имени которого и получил название. В ту пору он представлял собой лишь небольшую, едва выступавшую из волн отмель. Двенадцать лет спустя фрегат «Сафс» отметил исчезновение островка, на месте которого виден был лишь слабый дымок, поднимающийся над морем. В 1885 году подземный вулкан на этом месте дал сильное извержение, продолжавшееся непрерывно в течение года. Из нагромождений застывшей лавы образовался островок, достигший более 95 метров высоты.

В 1889 году крейсер «Эгерия» посетил островок, и английский геолог Листер произвел на месте интересные наблюдения. Он нашел, что за истекшие со времени образования островка четыре года вследствие разрушительного действия морских волн территория его уменьшилась до 1/3 первоначальных размеров. Максимальная высота над уровнем океана теперь достигала лишь 50 метров.

Следующие наблюдения были произведены в 1895 году экспедицией британского адмиралтейства. В этот период остров Сокол имел всего 650 метров в длину и 630 метров в ширину. Он был почти круглый, и высота его не превышала 15 метров. В июле 1908 года он исчез вторично, при чем осталась лишь небольшая отмель длиной в 91 метр, через которую перекачивались волны. Таким образом достаточно было всего тринадцати лет, для того чтобы океан поглотил островок диаметром почти в пять кв. километров. В 1913 году и эта небольшая отмель исчезла под волнами.

В октябре 1927 года экипаж и пассажиры парохода «Тутаникаи», совершающего рейсы между Сиднеем и Сан-Франциско, имели возможность наблюдать редкое явление — рождение вулканического острова. Над местом, где четырнадцать лет назад исчезли последние следы острова Сокола, стояла завеса пепла, и облака пара поднимались на высоту в несколько тысяч метров. Выпирающая из волн лава громоподобно колеблющимися холмами, образуя очертания круглого островка. С тех пор и до настоящего времени менее сильные извержения вулкана не перестают сотрясать островок, увеличивая его площадь все новыми потоками лавы.

В мае 1928 года, когда сотрясения почвы несколько утихли, американские геологи отправились исследовать новорожденный остров. Он находится во владениях королевств архипелага Тонга. Это единственная из всех полинезийских островных групп, сохранившая номинальную политическую независимость. 380 островков архипелага занимают всего около 997 кв. километров и насчитывают 27 000 жителей. Королева Салота-Тюбу пожелала соблюсти традиции присоединения новой территории. По прибытии геологов в столицу Тонга — Нокюалофа она прикоман-

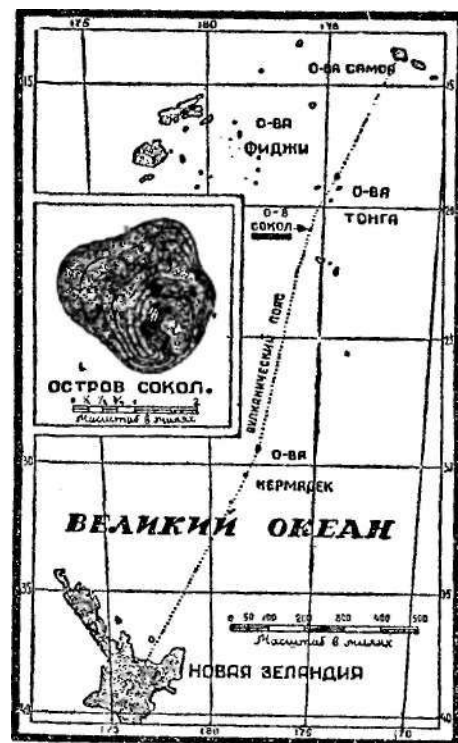
дировала к ним своего супруга, принца Тути, не имеющего официальных королевских прав. Принц Тути любезно предложил экспедиции погрузиться на королевский куттер. В ожидании погрузки геологи работали над изысканиями на островке Эуза — одном из самых высоких в архипелаге Тонга. Отсюда в ясные дни можно было отчетливо видеть облако дыма над островком Сокола, находящимся от Эузы на расстоянии 90 километров. Туземцы дали свое название острову Сокола, а именно Фонуа фу (новое место).

В назначенный день экспедиция с большим торжеством погрузилась на куттер. Делегация местного «парламента» доставила национальный флаг, предназначенный для водружения на новой территории королевств. Куттер «Футуахо» («Утренняя Звезда»), распустив паруса, понесся к северо-западу. Кроме двух геологов, принца со свитой и экипажа на борту «Футуахо» было еще около десятка европейцев, колонистов Нюкюалофа.

Попутный ветер давал надежду добраться до острова Сокола на рассвете следующего дня, поэтому пассажиры улеглись рано спать. Однако около полуночи они начали один за другим просыпаться. Воздух был насыщен парами сероводорода. Пассажиры обменивались неслесными замечаниями по поводу поведения островного вулкана, кашляли и чихали. Среди мрака тропической ночи мерцали багровые отсветы на одном из склонов далекого острова. Уныние овладело всеми — шансы высадиться на берег казались почти ничтожными. Однако по мере приближения к острову воздух становился все чище, и на рассвете уже ясно вырисовались очертания таинственного острова.

Расположенный низко, почти на уровне моря кратер находился на юго-западном берегу и был отделен от океана лишь узкой полоской остывшей лавы высотой в 3-4 метра. Над ним вились темные облачка дыма и серных паров. Даже на расстоянии километра от берега можно было видеть, что почва острова состоит главным образом из незатвердевшей лавы. Волны успели уже выгрызть острые зубцы в береговой линии, а дождь избородил поверхность островка ложбинками и канавками.

Новорожденный остров был лишен прибрежных рифов и камней, и прибой бешено устремлялся на берега. Куттер долго крейсировал вокруг островка, выискивая удобное для высадки место. Тихо скользило судно вдоль берегов, круто подымающихся над волнами на высоту до 30 метров. Наконец на северном побережье найдено было подходящее место, и, опустив паруса, куттер лениво закачался на волнах, в то время как рослые полинезийцы поспешно спускали на воду шлюпку. Но шлюпка не смогла причалить вплотную к берегу. Яростные волны грозили вышвырнуть ее как щепку на неприветливое

Местоположение и современный план острова Сокол.

побережье, густо посыпанное черным вулканическим пеплом. После короткого совещания решено было добраться до берега вплавь. Геодезические инструменты и фотокамера были привязаны к голове лучших туземных пловцов, и маленькая экспедиция храбро пустилась в атаку на остров, к которому еще не ступала человеческая нога.

Нельзя сказать, чтобы высадившиеся на девственный берег люди имели официальный вид. Однако это не помешало принцу Тути развернуть по ветру королевский флаг и направиться во главе свиты в глубь островка для совершения церемонии. Геологи с интересом осматривали плоское северное побережье. К югу, по направлению к кратеру вулкана тянулись, постепенно повышаясь, заостренные холмы. Ноги тонули в мягкой пемзе и пепле, местами люди почти до пояса проваливались в сероватые теплые сутробы. По мере подъема на холмы все резче становился запах сероводорода, все гуще облака паров и дыма. Подчас приходилось закрывать платком рот и нос, чтобы остановить приступы сильного кашля. Наконец добрались до вершины самого высокого холма (около 125 метров). Принц Тути развернул флаг и всадил его в мягкую пемзу.

— От имени королевств Тонга объявляю остров Фонуа-фу принадлежащим ей, — торжественно провозгласил он.

Кратер расположи на юго-западном берегу. Без сомнения, его местонахождение обусловлено господствующими здесь юго-западными ветрами, отнесшими все продукты извержения подводного вулкана по мере выхода их из недр в северо-восточном направлении. Западная стена вулкана подымается на высоту до 70 метров, дно кратера имеет форму эллипсиса и заполнено кипящим озером в форме грубо очерченной восьмерки: петля се, обращенная к корю, отливает молочно-зеленым цветом, в то время как другая петля имеет желтоватый отлив. От кипящей воды подымаются густые пары. Озеро

Современный вид острова Сокол

окружено высоким гребнем пемзы и пепла, по которому змеятся яркие оранжевые, желтые и белые прожилки отложения серы и других минералов. В стенах кратера — [яд отверстий, откуда со свистом и шипением вырываются горячие зловонные пары. Глядя сверху на дно кратера, нельзя удержаться от дрожи — так необычайно и жутко это окно в лабораторию Земли. Стены кратера усеяны кусками затвердевшей лавы и вулканическими «бомбами». Эти «бомбы», имеющие форму грубого веретена, представляют собой застывшую в воздухе в момент извержения лаву. Иные из них достигают в длину 1 1/2 — 2 метра.

Почти повсеместно стены кратера имеют резкий уклон до 80°, лишь кое-где встречаются покатые места, по которым можно соскользнуть на берег кипящего озера, как по откосу ледяной горы. Дно кратера — это подлитый «уголок ада»: оглушительный грохот, шипение и скрежет потрясают стены, пары обдают лицо огненным дыханием, то-и-дело из-под ног со свистом вырываются столбы пара, застав-

ляющие с испугом отскакивать в сторону. Воды озера бешено kloкочут, и едкий запах сероводорода вызывает тошноту и головокружение. Горячая рыхлая почва шевелится и расползается под ногами, и невольно кажется, что вот-вот провалишься в kloкочущие недра.

Всего год с небольшим, как остров Сокол был выброшен из волн, но на нем уже скопились «дары» океана. На побережье можно найти прибитые приливом доски, бутылки, куски стекла, раковины, длинные стебли водорослей, мертвые ветви кораллов. Особен: о много скорлуп кокосовых орехов. Экспедиция нашла в расщелине одного холма даже два кустарника, повидимому выросшие из семян, прибитых к берегу. Полинезийцы посадили на берегу десятка два кокосов на такой высоте, чтобы волны прилива и валы бури не вырвали их из мягкой почвы.

Трудно предсказать будущее этого островка. Оно всецело зависит от каприза стихий. Рожденный силой подземного огня, он может погибнуть от разрушительной силы воды, как погибли уже его два пред-

шественника. Океан подмывает берег, отрывая целые глыбы новорожденной суши, дожди размывают поверхность островка. Но возможно, что регулярная деятельность вулкана будет пополнять эти опустошения, отстаивая островок до тех пор, пока почва не покроется связующими отложениями, образованными из приносимых волнами водорослей и раковин, и поверхность не оденется растительностью. Не мало островов Полинезии образовалось именно таким путем.

В настоящее время островок очень невелик — около 4 километров в диаметре при максимальной высоте в 125 метров. Однако и остальные островки архипелага Тонга немногим больше. В безбрежных преторах Тихого океана, где так мало «жилплощади», каждый клочок суши высоко ценится людьми. Если на островке вырастут рощи кокосовых пальм, а в тени их раскинутся кусты батата и ямса, туземцы архипелага, конечно, не преминут заселить его.

Г.-М.

ВТОРОЙ ФИЛАТЕЛИСТИЧЕСКИЙ КОНКУРС «ВОКРУГ СВЕТА»

РЕЗУЛЬТАТЫ КОНКУРСА

Количество полученных редакцией писем с ответами на вопросы второго Филателистического Конкурса «Вокруг Света» (642; по первому было — 467) наглядно свидетельствует о все растущем интересе к филателии со стороны самых широких масс.

В отличие от первого конкурса, в нынешнем приняли участие целые коллективы, что Советская Филателистическая Ассоциация и редакция «Вокруг Света» особенно приветствуют.

Нашим сотрудником тов. А. М. Чачиковым совместно с представителем СФА тов. С. И. Гиршманом, были проверены все письма с ответами, в результате чего премии присуждены следующим подписчикам «В круг Света»: 1. Коллективу Дальсельбанка (Владивосток). 2. Э. Страдц (Косогорский завод). 3. В. Батицкому (Москва). 4. Ю. Квопмусу (Хабаровск). 5. С. Максиковичу (Нежин). 6. Вс. Малиновскому (Ленинград). 7. Ц. Априсянцу (Ленинград). 8. Р. Б. Томаревскому (Томск). 9. Е. Дапнелю (Воронеж). 10. А. Крылову (Рыбинск). 11. И. Бирюкову (Шадринск). 12. П. Пронину (Дружковка). 13. И. Сочневу (Каросполь). 14. Н. Синельниксву (Ашхабад). 15. А. Филатову (Ржев). 16. Тов.

Кучкину (Геокчай). 17. С. Гуревичу (Витебск). 18. С. Лобжанидзе (Новочеркасск). 19. М. Тихомировой (Новосибирск). 20. Д. Быкову (Ливны). 21. Р. Носачу (Остер). 22. А. Мрзановы (Феодосия). 23. А. Сальнику (Часовар). 24. С. Романову (Москва). 25. Н. Анненкову (Алатырь).

Тов. Д. БЫКОВ (ИЗ Ливии) прислал на самолет «ЗИФ» 20 копеек. Редакция «Вокруг Света» просит всех филателистов последовать его примеру и, в первую очередь, вызывает товарищей, получавших премии, а также Советскую Филателистическую Ассоциацию (Москва, 1-я Тверская-Ямская, 3).

Самолет «Земля и Фабрика» уже передан Осоавиахиму, но еще не вся стоимость его покрыта добровольными взносами. Работничим начатое дело, товарищи! Крепим оборону СССР!

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ КОНКУРСА*)

1. Выпуска 1922 г. в пользу престарелых и детей.
2. Франции — 1927 г.

*) См. № 4 «Вокруг Света» за тек. год.

3. Англия, Германия, САСШ, Франция, Италия, Япония, Россия (империалистическая).

4. Мадагаскар: туземцы несут французского чиновника.

5. На марке Германии 1926 — 27 гг.

6. Первую букву от олова «Хайастан» — Армения. («Зет» произносится как французское п).

7. Англичанами с 8 августа по 16 октября 1915 г., в Персии.

8. Азербайджана.

9. Португалии.

10. В сентябре 1927 г.

11. Индо-Китай.

12. С севера — СССР, с юга — Монголия.

13. На марках Испании выпусков 1905 и 1916 гг.

14. Мыс Доброй Надежды в 1853 г.

15. В 1926 г. в СССР (в Ленинграде).

16. Азербайджана.

17. На марке Германии — 1924 г.

18. Болгария в 1902 г.

19. Бразилии — 1920 г.

20. Египет в 1925 г.

21. На марке Италии — 1927 г.

22. В 1898 — 99 гг.

23. На марках в честь Эсперанто, выпуск! 1926 г.

24. На марках советской Армении.

25. На марке СССР в 7 коп., выпуска 1927 г.

Ответственный редактор Н. М. Яковлев-

Заведующий редакцией Вл. А. Попов.

ХЛОРОДОНТ

МЯТНАЯ ЗУБНАЯ ПАСТА
ПРИДАЕТ ЗУБАМ БЕЛИЗНУ
УНИЧТОЖАЕТ ДУРНОЙ ЗАПАХ
ИЗ РТА
УНИЧТОЖАЕТ НЕКРАСИВЫЙ
НАЛЕТ НА ЗУБАХ

